

ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

ISBN 978-5-9624-1923-7

*Публикация сборника осуществлена при финансовой поддержке
Оксфордского Российского фонда.*

Под общей редакцией:

канд. филос. наук, доц. О. А. Полюшкевич
канд. хим. наук, доц. О. А. Эдельштейн
канд. ист. наук, доц. Г. В. Логуновой

Перспективы изучения социальной реальности : сборник научных статей / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; под общ. ред. О. А. Полюшкевич, О. А. Эдельштейн, Г. В. Логуновой. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2021. – 1 электрон. опт. диск. – Загл. с этикетки диска.
<https://doi.org/10.26516/978-5-9624-1923-7>
ISBN 978-5-9624-1923-7

В статьях отражены разнообразные аспекты социальных исследований выпускников и стипендиатов программ Оксфордского Российского фонда, позволяющие судить о ширине и глубине анализируемых социальных процессов, формирующие их социальный и человеческий капитал и регулирующие вопросы социального инжиниринга в общественном воспроизводстве.

Предназначено для исследователей в области общественных наук, преподавателей, аспирантов и студентов и всех интересующихся вопросами изменения социального воспроизводства социальной реальности.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Иркутский государственный университет»

664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1; тел. +7 (3952) 51-19-00

Издательство ИГУ, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 124

тел. +7 (3952) 52-18-53; e-mail: izdat@lawinstitut.ru

Подписано к использованию 12.05.2021. Тираж 30 экз. Объем 4,56 Мб.

Тип компьютера, процессор, частота:	32-разрядный процессор, 1 ГГц или выше
Оперативная память (RAM):	256 МБ
Необходимо на винчестере:	320 МБ
Операционные системы:	ОС Microsoft® Windows® XP, 7, 8 или 8.1. ОС Mac OS X
Видеосистема:	Разрешение экрана 1024x768
Акустическая система:	Не требуется
Дополнительное оборудование:	Не требуется
Дополнительные программные средства:	Adobe Reader 6 или выше

The background of the cover is a circular image with a blurred, motion-streaked crowd of people, suggesting a busy social environment. A dark blue silhouette of a person in a suit stands in the center, facing away from the viewer. A white circle, representing the CD hole, is positioned to the left of the silhouette. A dark blue rectangular box is on the left side, containing the title in white text.

ПЕРСПЕКТИВЫ
ИЗУЧЕНИЯ
СОЦИАЛЬНОЙ
РЕАЛЬНОСТИ

ISBN 978-5-9624-1923-7

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Иркутский государственный университет»
Институт социальных наук
Оксфордский российский фонд

ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

ISBN 978-5-9624-1923-7

Эдельштейн О. А., Логунова Г. В. Социальные исследования в Иркутске: фокус изучения.....	4
---	----------

Раздел 1. Методологические исследования

Полюшкевич О. А. Социологическое воображение в научно-исследовательской работе	7
Кузьмина Е. С. Пути повышения вовлеченности студентов в научно-исследовательскую деятельность	11
Пружинин А. Н. Развитие исследовательских навыков студентов	19
Сафонов С. А. Роль экспертно-аналитического метода в профессиональной деятельности социолога	26

Раздел 2. Прикладные исследования

Zavialov A. V. Features of Ukrainian Immigration to the European Union	42
Загородний В. Д. Тенденции, проблемы и противоречия института родительства в современном российском обществе	57
Анохина А. А. Пандемия как фактор дезинтеграции российского общества: теоретический и эмпирический аспекты	66
Попова М. В. Особенности конструирования бренда территории	91
Заварзина Ю. В. Особенности территориального развития Иркутской области	103
Авторская справка	111

Социальные исследования в Иркутске: фокус изучения

Проводится анализ социальных эффектов реализации стипендиальной программы Оксфордского Российского фонда в ИГУ. Анализируются результаты экспресс-исследования среди бывших стипендиатов программы и делаются выводы о формировании социального и человеческого капитала стипендиатов и социального инжиниринга регионального и общегосударственного развития.

Ключевые слова: стипендиальная программа, ОРФ, человеческий капитал, социальный капитал, социальное развитие, социальный инжиниринг

O. A. Edelshtein, G. V. Logunova

Social Research in Irkutsk: Focus of Study

The article analyzes the social effects of the implementation of the Oxford Russian Foundation scholarship program at ISU. The results of an express research among former fellows of the program are analyzed and conclusions are drawn about the formation of the social and human capital of fellows and social engineering of regional and national development.

Keywords: scholarship program, RUF, human capital, social capital, social development, social engineering

Социальные исследования достаточно разнообразны. Говоря о школе социальных исследований в Иркутском государственном университете, можно увидеть всю палитру от социально-антропологических до урбанистических, от экологических до экономических, от политических до культурологических, от правовых до психологических аспектов социальной трансформации личности, группы и общества.

С 2006 г. и по настоящее время исследовательская деятельность осуществлялась и с позиции количественных, и с позиции качественных методов, не ограничивалась ресурсами одного факультета или направления, но позволяла соединять разные специальности и науки воедино. За эти годы прошли три школы молодого автора и социальных исследований, пять Всероссийских научно-практических онлайн-конференций «Трансгрессия социокультурного пространства», публичные лекции на самые разнообразные темы. Цель этих научных мероприятий была одна – создать междисциплинарное пространство для представителей разных специальностей изучать социальную реальность таковой, какая она есть. Данная задача с успехом реализована.

Бывшие выпускники Оксфордского Российского фонда сами стали преподавателями, защитили диссертации и готовят новые поколения студентов. Осуществляется преемственность поколений и научного наследия через совместные мероприятия и лонгитюдные проекты.

Социальные исследования в Иркутске стали нарицательной категорией и точкой отсчета, где каждый мог найти ту сферу, тот аспект или фокус исследования, что позволил бы ему быть интересным, актуальным, креативным и нестандартно мыслящим молодым ученым. Признание приходит к тем, кто идет по своему пути. Научная социальная школа Иркутска позволила сформироваться ключевым направлениям исследований и пополнить ряды инициативных и активных ученых не только России, но и мира.

Мы провели интерактивные опросы участников Оксфордской программы за разные годы о том, каким словом они могут обозначить свое участие в данной программе, что она им дала (опрошено 360 человек). Результаты нас не удивили, но однозначно порадовали.

Приоритеты таковы: самореализация (15 %), знания (14 %), уверенность в себе и креативность (по 12 %), умение нестандартно мыслить (11 %), активность (10 %), инициативность (9 %), настойчивость (8 %), смелость (5 %), воля (3 %), другое (1 %). На рисунке приведена графическая форма результатов.

Рис. Распределение ответов на вопрос
«Что дала программа ОРФ в ИГУ лично вам?»

Студенты достаточно позитивно оценивают социальные эффекты, свой приобретенный социальный капитал, которые они смогли получить, использовать и развивать благодаря своей научной работе, которая осуществлялась, в том числе и при поддержке Оксфордского Российского фонда. Перспективы социального инжиниринга за весь период реализации программы в ИГУ определили формы и направления развития человеческого потенциала стипендиатов, а вместе с ними и университета.

Да, всему свой срок. Но задел, основа социального проектирования, заложенная Оксфордским Российским фондом через поддержку талантливой молодежи, уже приносит свои плоды. Этот потенциал будет еще не один год развивать и усиливать территорию региона и всей России.

Методологические исследования

УДК 316
ББК 60.5

О. А. Полюшкевич

Социологическое воображение в научно-исследовательской работе

Аннотация. Проведен анализ использования социологического воображения в развитии научно-исследовательской деятельности. Показаны этапы развития научного мышления на основе социологического воображения. Данные примеры были рассмотрены на work-shop «Интерпретируя реальность: развивая социологическое воображение», где на локальных задачах анализировались механизмы конструирования социологического воображения и научно-исследовательского подхода к изучению реальности.

Ключевые слова: социологическое воображение, научная работа, исследование, творческое мышление, новый подход.

О. А. Polyushkevich

Sociological imagination in research work

Abstract. The paper analyzes the use of sociological imagination in the development of research activities. The stages of development of scientific thinking based on sociological imagination are shown. These examples were considered at the work-shop “Interpreting reality: developing sociological imagination”, where mechanisms of constructing sociological imagination and a research approach to the study of reality were analyzed using local examples.

Keywords: sociological imagination, scientific work, research, creative thinking, new approach.

Социологическое воображение дает возможность выходить за рамки обычного и видеть то, что скрыто. Умение видеть незримые связи, порой строится не на очевидных процессах, а на том, что скрывается за вторым и третьим уровнем обобщения.

Социологическое воображение – это воспитываемое, формируемое качество ума, которое позволяет видеть взаимосвязи между личностью и обществом, биографией одного человека и историей всего народа или государства. Причинами того, что занятия не могут быть проведены в той аудитории, что запланированы, могут быть вызваны разными условиями: от занятости другими студентами помещения до факторов разрушения научной школы. Умение размышлять важно не только для социолога, поэтому социологическое воображение может стать основой умения мыслить для всех студентов.

Я говорю о примере, когда проводила work-shop по социологическому воображению для всех желающих «Интерпретируя реальность: развивая социологическое воображение» в апреле 2021 г. в Иркутске. Аудитория, в которой планировалось мероприятие? была занята и работу в рамках этого события мы начали именно с анализа данного кейса.

Аудиторию заняли члены счетной комиссии из Административного корпуса университета для подсчета голосов участников творческих конкурсов. В деканате, где распределили нам аудиторию, не захотели ругаться с представителями администрации и наш мастер-класс перенесли в другую аудиторию. В процессе развития социологического воображения мы со студентами проанализировали следующие причины, которые могли скрываться за данными факторами, что и стало толчком к развитию социологического воображения.

- Социально-психологический фактор заложен в исторических условиях российского общества – раболепного отношения к руководству, администрации. Нежелание и неготовность вступать в открытый конфликт стало основой того, что занятие, запланированное за два месяца до этого, было перенесено в менее удобную аудиторию.

- Фактор недостатка финансирования высшей школы, а именно нехватка денег для обустройства аудиторий, чтобы в любой из них можно было провести занятие по любому профилю. И то, что в корпусе только одна подходящая полностью аудитория, показывает нехватку финансирования и социального прогнозирования.

- Фактор последствия модернизации высшей школы – когда проводимые реформы сказались на качестве и условиях работы преподавателей, ограничив количество аудиторной нагрузки, что привело к неготовности студентов участвовать в альтернативных моделях обучения.

Последствиями данных факторов являются новые рамки социализации, преподавания, обучения и развития навыков аналитического и критического мышления поколений молодых людей, получающих знания в принципиально новом мире. Выше представлены укрепленные факторы, в процессе анализа нами удалось выделить 23 причины того,

что мы не смогли провести мастер-класс в планируемой аудитории, а также выделить социокультурные, социально-психологические, экономико-политические и международные последствия данного события. Все связано со всем на примере социологического воображения.

Данный пример позволил через практику рассматривать проблему и показать рабочие механизмы анализа социологического воображения. Или же пример о чашке кофе, приведенный Э. Гидденсом [1]. Кофе стал элементом обыденной жизни, когда мы пьем его по утрам; элементом досуга – когда его используем как предлог, чтобы встретиться с друзьями; показателем эффективности работы – когда его пьют сотрудники компаний, чтобы взбодриться. Но перед тем как он стал обыденным продуктом, ему предшествовали столетия рабского труда и освоения Нового Света; экономические войны и противостояния (на сегодняшний день кофе – третий продукт в мире по обороту активов (после нефти и золота)); он стал предметом международных скандалов, санкций и договоренностей. Тот кофе, что мы пьем по утрам, стал поводом для передела мира. Да, этот пример шикарен для понимания темы социологического воображения. И помогает понимать, что каждый из нас включен в миллионы связей со всем миром, и одно наше действие приведет к социальному изменению необратимой силы. Эффект бабочки в жизни каждого человека. И именно он побуждает нести ответственность и быть включенным в процесс жизни, в процесс исследователя жизни как изнутри, так и снаружи.

Развитие социологического воображения, так же как и развитие научного мышления, создает условия нового образа жизни.

1. Уметь удивляться миру.
2. Уметь ставить вопросы для исследования и выдвигать гипотезы – объяснения.
3. Строить модель и реально осуществлять исследования, позволяющие проверять выдвинутые гипотезы.
4. Апробировать материалы исследования.
5. Формировать проектное, системное, стратегическое мышление, позволяющее проводить мониторинг и строить прогнозные модели развития ситуации в будущем.

Задача социологического воображения – вывести человека из ориентиров его личного пространства и посмотреть шире на мир и на себя в мире. Быть социальным аналитиком может быть каждый, настроившись на включенность в процесс взаимодействия. И тот, кто участвует в этом процесс, уже не является частью страдательной позиции (что с ним нечто происходит), он трансформируется в активную позицию преобразователя.

Благодаря социологическому воображению социальная теория может стать инструментом преобразования социального мира, предлагая новые возможности и обстоятельства для его понимания и интерпретации. Оно может помочь заглянуть по ту сторону повседневности, показать то, что может быть (не только для себя, но и всего сообщества).

Воображая то, чего нет, исследователь может разглядеть социальное под особым фокусом взаимодействия индивидов, а студент сформировать научный, рефлексивный подход к любому социальному процессу, в который он включен как обыватель или как исследователь.

Литература

1. Гидденс Э. Социология. М., 2005. С. 18–19

Пути повышения вовлеченности студентов в научно-исследовательскую деятельность

Аннотация. Статья посвящена проблеме активизации научно-исследовательской деятельности студентов в современном вузе. Анализируя модель исследовательского университета К. В. фон Гумбольдта, автор обосновывает актуальность идеи «образования посредством науки». С опорой на материалы исследований определены основные пути повышения вовлеченности студентов в научно-исследовательскую деятельность.

Ключевые слова: высшее образование, университет, наука, мотивация студентов, научно-исследовательская деятельность, научно-исследовательская работа студентов (НИРС).

E. S. Kuzmina

Ways of involving students in scientific and research activities

Abstract. The article is devoted to the problem of enhancing the scientific and research activities of students in a modern university. Analyzing the model of K. V. Humboldt's research university, the author proves the relevance of the idea of “education through science”. Based on research materials, in the article the main ways of involving students in scientific and research activities are determined.

Keywords: higher education, university, science, student motivation, scientific and research activities, scientific-research work of students (NIRS).

На современном этапе развития высшего образования актуализируются процессы, повышающие конкурентоспособность вузов в глобальных и национальных рейтингах. Важным показателем в них выступает научно-исследовательская деятельность всех акторов образовательного процесса: чем больше опубликовано научных статей в значимых журналах, выиграно грантов и конкурсов, тем сильнее позиции. В условиях быстро меняющегося общества цифровая трансформация, являясь стратегическим вызовом для перехода образовательных организаций на новый уровень, усиливает необходимость обучения студентов универсальным компетенциям XXI в., например, таким, как критическое и креативное мышление, формируемое в процессе научной работы. Так, с одной стороны, активизация научно-исследовательской деятельности студентов положительно влияет на репутацию вуза, с другой стороны, это важно, прежде всего, для самого студента, увеличившего собственный культурный капитал.

Рассматриваемая проблема, несмотря на текущую повестку, не теряет актуальности уже два столетия. Немецкий философ Карл Вильгельм фон Гумбольдт создатель немецкого классического исследовательского университета, министр просвещения Пруссии, в 1810 г. основавший Берлинский университет – величайшее институциональное творение XIX в. полагал, что принцип единства преподавания и исследования является приоритетным для университета. Студенты и преподаватели в ходе научно-исследовательской и образовательной деятельности вместе находятся в поиске научной истины, что обеспечивает непрерывный диалог учителя и ученика, ведущий к исследованиям и новым идеям, невозможным в ограниченной среде. К. В. фон Гумбольдт отмечая, что университеты становятся центрами исследовательской деятельности, подчеркивал: «движение науки в университете, где она беспрерывно вращается в большом количестве сильных, бодрых и юных умов, безусловно, стремительней и живее» [5].

Осмысление теории К. В. фон Гумбольдта породило множество мнений. Так, в лекции, прочитанной при вступлении в должность, немецкий социолог XX в. Гельмут Шельски рассматривает университет как социальный институт, и задается двумя вопросами: «(1) дает ли сегодняшний университет по самой своей структуре «образование» в смысле Гумбольдта? И второй вопрос: почему оказываются тщетными все современные попытки проведения реформы образования университета?» [12, с. 66]. В своей работе «Уединение и свобода к социальной идее немецкого университета» [12] Г. Шельски подверг критическому анализу те подходы, которые пропагандировал К. В. фон Гумбольдт. Однако мы полагаем, что немецкая классическая модель университета применима и к университету современного типа. Во-первых, модель исследовательского университета, позволяет подготовить инноваторов, людей, способных создавать и продвигать новое (причем совершенно не обязательно лишь в узкой области науки). Они – изобретатели, творцы в широком смысле, способные мыслить нешаблонно. Именно такие люди способны успешно реализоваться в современном обществе, и именно в таких людях общество и государство испытывает сейчас потребность для того, чтобы активно развиваться, испытать общий подъем. Принципиальная особенность университета, по мнению К. В. фон Гумбольдта, заключается в возможности через занятие научными исследованиями не только вырастить ученого, но создать всесторонне образованную и критически мыслящую личность. Этот принцип не может устареть, напротив, даже спустя двести лет он становится трендом. Идея «образования посредством науки» может реализовываться в любом университете и в любой период времени с учетом со-

циального, экономического и политического состояния страны, адаптируясь под реалии сегодняшнего дня. Некоторые элементы идеи К. В. фон Гумбольдта можно видеть в современных университетах в форме самостоятельной работы студентов, подготовки научных статей, проведения исследований, участия в конференциях.

В разные исторические периоды функции преподавания и науки в университетах были то разведены, то имели общие точки соприкосновения (модель исследовательского университета). Придерживаясь мнения, что целью образования является всестороннее развитие личности и ее способностей, считаем, что для достижения максимального эффекта при получении высшего образования академическую траекторию современного студента следует выстраивать по пути обретения знаний, умений и навыков по образовательной программе в совокупности с активными занятиями научно-исследовательской деятельностью. В статье 72 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» изложены «формы интеграции образовательной и научной (научно-исследовательской) деятельности в высшем образовании» [8], которые направлены на достижение следующих целей «...привлечение обучающихся к проведению научных исследований под руководством научных работников, использование новых знаний и достижений науки и техники в образовательной деятельности» [8].

В научной литературе немало трудов посвящено изучению данного феномена с точки зрения социологии, педагогики, психологии, менеджмента: И. Б. Аминова, Д. В. Артамонова, Е. В. Бабаевой, А. В. Волковой, Р. Р. Габитовой, Г. В. Ганьшиной, А. Р. Гапсаламова, С. Ю. Завариной, И. И. Идиятуллиной, О. Ю. Калмыковой, И. Б. Костылевой, И. Г. Михайловой, Ж. В. Муравьевой, С. Н. Новосельцевой, Е. С. Печерской, Е. А. Савеленок, С. Н. Степановой, Д. Ф. Ходжаевой, Н. Н. Шульга. Распространен вывод о том, что «...необходимо более активно использовать сетевые ресурсы и применять в различных сферах деятельности студентов, прежде всего в научно-исследовательской работе» [1, с. 310]. Речь идет об использовании информационно-коммуникационных технологий и онлайн-инструментов для реализации научных проектов при дистанционной работе в распределенных командах (особенно рельефно это проявилось в связи с вынужденным переходом учебного процесса в дистанционный формат из-за пандемии коронавирусной инфекции COVID-19). Для организации работы в сложившихся условиях широко стали использоваться различные каналы связи между научными руководителями/кураторами и студентами: электронная почта, социальные, сети, мессенджеры, онлайн-встречи

посредством Zoom, Google meet, Discord, Skype, BigBlueButton, TrueConf и др. Для совместной работы и фиксирования обратной связи (замечаний, комментариев) со стороны преподавателей возможно создание единого для заполнения гугл-документа при написании научных статей. По мнению О. Ю. Калмыковой, И. Б. Костылевой «новые социальные задачи, встающие перед государством и обществом, вызывают качественные изменения образовательного процесса в вузе, его содержания, методов и средств обучения» [6, с. 97], соответственно, изменяются пути повышения вовлеченности студентов в научно-исследовательскую деятельность.

Сами студенты отмечают, что, выбрав путь занятия наукой в вузе, они учатся, развиваются, расширяют мировоззрение, а главным препятствием на этом пути выделяют проблемы, связанные с отсутствием мотивации [11, с. 16]. Разделяем мнение Е. А. Чикиной в том, что «наиболее благоприятные возможности для привлечения молодёжи к исследовательской деятельности складываются на младших курсах» [11, с. 19]. Вовлечение студентов начальных курсов в научно-исследовательскую деятельность является продуктивным для формирования у них более стойкой мотивации и выработке со стороны вуза селективных стимулов, способствующих развитию их творческого процесса. В связи с этим, выдвижение мобилизующих требований к студентам является необходимым для преодоления инерции с вопросами «зачем мне это надо?» и «что мне за это будет?». Так, С. Н. Степанова, выделяет в качестве побуждающих стимулов: пользу для будущей профессии, стремление к самообразованию и углублению знаний, к личному успеху [10]. Целесообразно добавить к данному перечню управление персональной эффективностью (повышение KPI) и развитие стратегического мышления, ценные для увеличения человеческого капитала в когнитивном обществе и ведущие к наращиванию конкурентоспособности на рынке труда. И. Г. Михайлова, С. Н. Новосельцева, Н. Н. Шульга справедливо отмечают, что «исследовательский опыт накапливается постепенно, основы этого опыта формируются в вузе» [13], поэтому важно не упускать возможности прогрессировать, саморефлектировать. Профессор Саймон Марджинсон из Центра исследований высшего образования Университета Мельбурна, развивая теорию самоформирования (self-formation) в высшем образовании, отмечает: «высшее образование можно понимать как процесс самообразования или самосовершенствования, погруженный в получение комплексных знаний, которые позволяют студенту стать более способным, более автономным и самоопределенным» [14]. Иными словами, развивать себя собственными усилиями. В российских вузах преду-

смотрены различные меры поддержки от повышенных стипендий за публикационную активность до тревел-грантов для академической мобильности.

Помимо мотивационной составляющей следует обратить внимание на научные интересы студентов и их осознанный выбор темы при планировании научно-исследовательской деятельности [3, с. 117] с учетом направления научной деятельности кафедры, университета. Согласно студентоцентрированного подхода (Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн) акцент при получении высшего образования делается на персонифицированное образование, направленное на цели и задачи конкретного студента и его личностное развитие и, как следствие, создание благоприятных условий для достижения им результатов в научно-исследовательской деятельности. Этому активно способствует тьюторское сопровождение и индивидуальное консультирование по вопросам научно-исследовательской работы студентов. Ученые полагают, что «позитивное отношение преподавателя к студенту в процессе консультирования по вопросам построения научно-исследовательской работы, выражение неподдельного интереса к поставленной в исследовании проблемы, продуманная разработка стратегии решения проблемы является мощным средством поддержки» [3, с. 118]. Безусловно, при проектировании современного обучения важно это закладывать в НИРС, как для включаемой в учебный процесс в рамках дисциплин и практик (выполнение индивидуальных заданий, исследовательских проектов, рефератов, курсовых работ, ВКР), так и для дополняющей учебный процесс (активность в научном клубе студентов, проведение научных исследований, написание научных статей, выступление на конференциях, олимпиадах, конкурсах, участие в организации и проведении научных мероприятий) [2, с. 157].

Обратимся к данным социологического опроса, проведенного в Кемеровском государственном университете А. В. Волковой с целью изучения степени вовлеченности студентов в научно-исследовательскую деятельность (всего опрошено 55 студентов) [2]. Среди ограничивающих факторов респонденты назвали: «недостаточность финансирования научных исследований, материального стимулирования субъектов научной деятельности; отсутствие необходимой материально-технической базы в вузе; отсутствие необходимого информационного обеспечения; отсутствие регулярных научных контактов с российскими и зарубежными вузами, стажировок в российских и зарубежных вузах; незаинтересованность преподавателей» [2, с. 159]. Другой социологический опрос, проведенный А. Р. Гапсаламовым, Р. Р. Габитовой, И. И. Идиятуллиной среди 217 студентов Елабужского

института Казанского (Приволжского) федерального университета по рассматриваемому вопросу позволил обнаружить, что «менее одной трети студентов не имеют представления о том, что представляет из себя данный вид деятельности, 52 % – более-менее разбираются в сущности научно-исследовательской деятельности, и 36 % – полностью информированы о НИР студентов» [4, с. 4]. Осуществление подобного рода опросов позволяет выявить главные сдерживающие проблемы, возникающие на пути развития научно-исследовательской деятельности студентов. В случае, когда на внешние факторы вуз повлиять в достаточной степени не может, необходимо концентрироваться на внутренних механизмах вовлечения студентов, неуклонно поддерживая мобилизующую среду. Помимо этого, благодаря анализу уже проведенных социологических исследований удалось прийти к выводу о том, что, как правило, только треть студентов занимаются научно-исследовательской деятельностью от всей совокупности студентов вуза/факультета/группы.

В вышеизложенном контексте Е. С. Печерская, Е. А. Савеленок, Д. В. Артамонов разработали следующие рекомендации по повышению вовлеченности студентов в НИРС: «а) использование распространенных в студенческой среде социальных сетей для популяризации научных исследований и вовлечения студентов в НИРС; б) создание системы адресного информирования об актуальных научных событиях; в) оказание оперативных консультаций студентам по проблемам, связанным как с осуществлением непосредственно НИРС, так и с участием в научных мероприятиях; г) использование инновационных образовательных технологий, новых форм проведения аудиторных занятий, например, в форме конференций, в форме “мозгового штурма”; д) создание и поддержание постоянно пополняющейся базы данных по учету научных достижений студентов...» [9, с. 103] и др. С высоким эффектом студенты более старших курсов обмениваются опытом с младшекурсниками, показывая пример и вовлекая в сообщество единомышленников. Зачастую заседания научного клуба студентов проводятся как неформальные (дружеские) встречи, на которых студенты, ранее будучи начинающими на этом пути, делятся своими историями и опытом, как они добивались тех или иных побед. Развитию научного потенциала студентов способствует популяризация идеи о том, что наука – это современно и перспективно для молодых, любопытных, амбициозных студентов, которые планируют научиться выстаивать свою научно-исследовательскую траекторию в вузе и готовы включиться в новые проекты, конкурсы, олимпиады, конференции.

Таким образом, поскольку достижение высоких показателей эффективности НИРС положительно влияет на повышение рейтинга вуза, усиление его бренда, и, в свою очередь, благоприятно сказывается в дальнейшем на востребованности выпускника на рынке труда (включившего в резюме научные публикации или участие в исследовательских проектах), то участие студентов в научно-исследовательской деятельности является драйвером высшего образования (подробнее в работе «Драйверы развития высшего образования в условиях социальной напряженности» [7]). В числе основных путей повышения вовлеченности студентов в научно-исследовательскую деятельность следует обозначить, во-первых, активное использование информационно-коммуникационных технологий и онлайн-инструментов. Во-вторых, преодоление инертности и стимулирование мотивации, начиная с первых курсов. В-третьих, ориентацию на научные интересы студентов и тьюторское сопровождение на системной основе, и, наконец, популяризацию научных исследований и широкое информирование о предстоящих научных мероприятиях.

Литература

1. Аминов И. Б., Ходжаева Д. Ф. Эффективность использования информационных ресурсов и технологии в научно-исследовательской работе студентов // Бюллетень науки и практики. 2017. № 2. С. 310–313.
2. Волкова А. В. Социальные факторы активизации научно-исследовательской деятельности студентов социальной направленности обучения // Вестник КемГУ. 2010. № 3. С. 156–161.
3. Научно-исследовательская работа как условие успешной профессиональной подготовки магистрантов / Г. В. Ганьшина, Е. В. Бабаева, С. Ю. Заварина, Ж. В. Муравьева // Вестник ТГУ. 2018. № 5. С. 114–121.
4. Гапсаламов А. Р., Габитова Р. Р., Идиятуллина И. И. Возможность активизации научно-исследовательской деятельности студентов вуза на основе использования аудиовизуальных средств обучения: из опыта Елабужского института Казанского (Приволжского) федерального университета // Мир науки. Педагогика и психология. 2017. № 1. С. 1–9.
5. Гумбольдт К. В. О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине // Университетское управление: практика и анализ. 1998. № 3. С. 27.
6. Костылева И. Б., Калмыкова О. Ю. Формирование системы активизации научно-исследовательской деятельности студентов в техническом вузе // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. 2010. № 3. С. 97–105.
7. Кузьмина Е. С. Драйверы развития высшего образования в условиях социальной напряженности // Пространства социальной напряженности и стратегические консенсусные взаимодействия в XXI веке : сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 184–186.

8. Об образовании в Российской Федерации : федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 18.03.2021).

9. Печерская Е. А., Савеленок Е. А., Артамонов Д. В. Вовлечение студентов в научно-исследовательскую работу в университете: механизм и оценка эффективности // Инновации. 2017. № 8. С. 96–104.

10. Степанова С. Н. Мотивация студентов вуза к научно-исследовательской деятельности // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2009. № 6–2. С. 49–53.

11. Чикина Е. А. Мотивация студентов к научно-исследовательской деятельности // E-Scio. 2017. № 7. С. 15–21.

12. Шельски Г. Уединение и свобода к социальной идее немецкого университета // Философско-литературный журнал «Логос». 2013. № 1. С. 65–86.

13. Шульга Н. Н., Новосельцева С. Н., Михайлова И. Г. Направления активизации научно-исследовательской деятельности студентов вузов // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2016. № 14. С. 174–178.

14. Marginson S. Higher education as self-formation. London : UCL Institute of Education Press, 2018. 30 p.

Развитие исследовательских навыков студентов

Аннотация. Рассматриваются особенности развития исследовательских навыков студентов. Анализируются предпосылки и преграды этого процесса. Приводятся результаты исследования, проведенного среди студентов Института социальных наук в 2019 и 2021 гг., показывающего динамику уровня и качества развития исследовательских навыков студентов.

Ключевые слова: исследовательские навыки, научная работа, научный клуб, аналитика, отношение студентов, восприятие.

A. N. Pruzhinin

Development of student research skills

Abstract. The article discusses the features of the development of research skills of students. The prerequisites and barriers to this process are analyzed. It also provides the results of a study conducted among students of the Institute of Social Sciences in 2019 and 2021, showing the dynamics of the level and quality of development of students' research skills.

Keywords: research skills, scientific work, science club, analytics, student attitude, perception.

Научно-исследовательская деятельность выступает одной из основных форм реализации и самореализации студентов вузе. Научно-исследовательская деятельность позволяет развивать аналитические навыки и исследовательские навыки в разных областях знаний. Поэтому, данная сфера деятельности является основой в формировании научного мышления современного студента.

Организация исследовательской деятельности в контексте научно-информационной работы направлена на развитие интеллектуально-логических способностей (формирование умений анализировать, сравнивать, обобщать, выделять главное, классифицировать, моделировать) и интеллектуально-эвристических способностей, от которых зависит развитие исследовательских умений (умений генерировать идеи, воображения, ассоциативности мышления, видения противоречий, умений ставить задачу, выдвигать гипотезу).

Исследовательская культура – это совокупность способов освоения информационной реальности, освоенных человеком на определённом этапе своего развития. Она позволяет оформиться научному мышлению молодых людей.

Параметры исследовательской культуры студентов:

- 1) умение определять тему исследования;
 - 2) умение формулировать исследовательские гипотезы;
 - 3) умение использовать разнообразные информационные ресурсы для реализации целей исследования;
 - 4) умение планировать исследование;
 - 5) умение структурировать исследовательскую работу;
 - 6) знание основ анализа и оценки исследовательской работы и др.
- [2].

Исследовательские умения – это базовые компоненты личности, которые выражают ведущие характеристики процесса профессионального её становления, отражают универсальность её связей с окружающим миром, инициируют способности к творческой самореализации, определяют эффективность познавательной деятельности, способствуют перенесению знаний, умений и навыков исследовательской деятельности в любую область познавательной и практической деятельности [4].

Если проанализировать сущность и содержание понятия «исследовательская деятельность студентов», которое мы часто употребляем в связи с процессом формирования исследовательских умений у студентов, мы можем определить этот термин как «интегративный компонент личности. Он характеризуется единством знаний целостной картины мира, умениями, навыками научного познания, ценностного отношения к его результатам и развитого интеллекта и обеспечивающие её самоопределение и саморазвитие» [1].

В современных условиях выпускники университета должны уметь ставить задачи, управлять процессами и просчитывать последствия принятия решений. Овладение исследовательскими умениями зависит от многих условий. Одним из решающих условий формирования исследовательских умений, по нашему мнению, является развитие творческого потенциала студента, его готовность к творческой деятельности.

Однако высшее образование год от года меняется. Как правило, большинство знаний, полученных на студенческой скамье, впоследствии оказываются невостребованными. Высказывается мысль, что университетская система с традиционными лекциями в больших аудиториях и последующими семинарами, на которых обсуждается лекционный материал, уже не оправдывает себя [3]. Осознание этого факта на Западе проявляется в том, что в университетах традиционные лекции, направленные на предоставление студентам максимального объема информации, всё чаще заменяются лекциями-консультациями, направленными на обсуждение и пояснение информации, полученной

студентами самостоятельно из соответствующих книг и учебных пособий. В этом случае важная роль отводится самообразованию студента. Многие авторы (П. Аронов, М. Шапоров, В. А. Зеленко, Е. Н. Медынский) считали, что высшая школа может дать тот или иной уровень знаний только при активном участии самого студента.

На протяжении десятилетий в российской и зарубежной педагогике ведутся разработки, в которых заложена общая идея. Суть её состоит в преодолении противоречия между заранее определённым и предписанным содержанием обучения и необходимостью свободы и гибкости в отборе видов деятельности и их ситуативными потребностями. Такой подход ставит целью активизировать обучение, придать ему исследовательский характер.

Педагогическая теория и практика предлагают богатый арсенал методов и методических приёмов, использование которых позволяет преподавателю не только активизировать работу студентов на занятиях, но и организовать самостоятельное, творческое усвоение учебной информации во внеурочное время на основе интереса и увлечённости. Эти методы ориентированы на организацию учебно-познавательной деятельности студентов по самостоятельному получению знаний, на развитие их творческого мышления, на формирование исследовательских умений, на более высокий уровень профессиональной подготовки.

Самым распространённым методом при формировании исследовательских умений у студентов является исследовательский метод (в высшей школе исследовательские работы, как правило, предполагают решение познавательных задач путём постановки и проведения опытов, сопровождаемых выдвижением гипотез). Идеи исследовательского метода обучения, называвшегося у разных педагогов по-разному – эвристическим, лабораторно-эвристическим, опытно-испытательным, естественнонаучным, исследовательским принципом, подходом и т. д. [4]. Проникая в практику обучения, исследовательский метод способствовал ликвидации заучивания учебного материала, формированию готовности к самостоятельной умственной деятельности.

Основные цели развития научно-исследовательской деятельности студентов:

- 1) обучить творческой деятельности;
- 2) ознакомить с приёмами творческого воображения;
- 3) научить решать задачи, направленные на социальное моделирование процессов общественного воспроизводства.

Для анализа развития уровня исследовательского мышления студентов Института социальных наук было проведено два исследования (одно в начале 2019 г., второе – в начале 2021 г.), в промежутке между

исследованиями проводилась целенаправленная работа по развитию исследовательского мышления. В исследованиях приняли участие 160 человек (одни и те же) в возрасте от 18 до 24 лет, все они участвовали в тех или иных формах развития исследовательского мышления.

86 % отметили позитивные изменения после того, как начали заниматься исследовательскими проектами в целом. Говоря об отдельных сферах, где исследовательское мышление помогло: это аналитические навыки анализа информации, ораторские навыки при выступлениях, коммуникативные способности, умение мыслить не стандартно, социологическое воображение и многое другое, что стало основой для исследовательских навыков молодых людей (рис. 1).

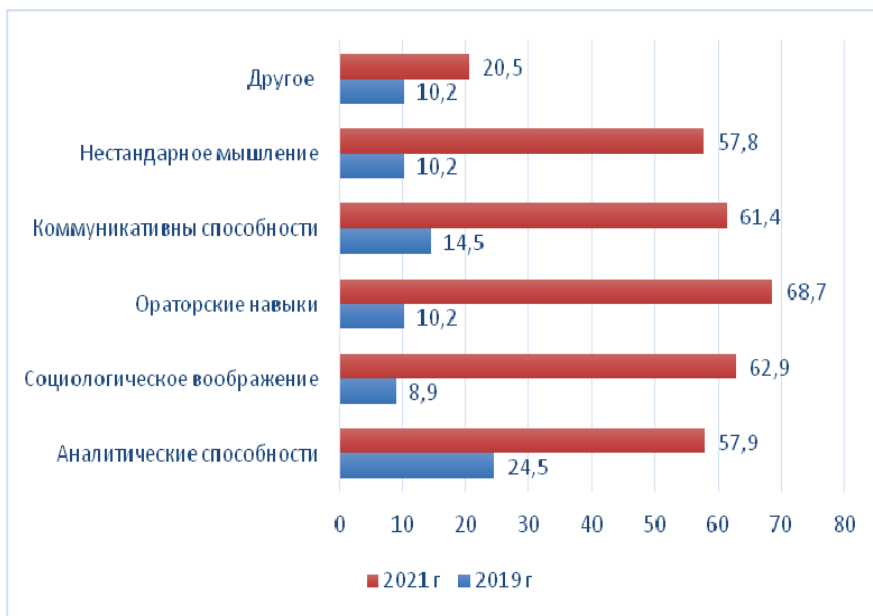

Рис. 1. Сферы воздействия развития исследовательского мышления после двух лет занятий

Я могу уверенно сказать, что нестандартное мышление, умение видеть не очевидные вещи, умение задавать вопросы, которые дают не формальные ответы, а позволяют понять и раскрыть глубину проблемы, даже в самых очевидных или не очень сферах – это заслуга дополнительных занятий по развитию исследовательских умений. (М. Н., студент 4-го курса).

Благодаря участию в работе научного клуба и развитию исследовательских умений я смогла качественно повысить и свои коммуникативные способности, которые позволяют более свободно общаться и с ребятами из других вузов и с преподавателями, и ораторские навыки, что помогает мне управлять вниманием аудитории при выступлениях на конференциях и круглых столах. Я получаю от этого особое удовольствие. (Н. Ю., студентка 3-го курса)

Я вижу, как вырос мой уровень и качество социологического воображения. На парах по социологии – было недостаточно для того, чтобы оно стало развиваться, а сейчас я просто генерирую идеи, гипотезы, цели. Это так увлекательно – ставить перед собой вопрос и видеть варианты его решения! Я собираюсь в магистратуру и потом аспирантуру и все благодаря тому, что смог увидеть, как это здорово и интересно – использовать социологическое воображение в анализе информации, в подготовке и проведении исследования, в интерпретации результатов проекта. Социологическое воображение стало вишенкой на торте моего исследовательского потенциала. (В. А., студент 4-го курса)

Аналитические способности, что развиваются благодаря занятиям исследовательской работой, будут однозначно мне полезны в любой сфере жизни. Я не планирую заниматься наукой, я планирую работать практиком, а я уже сейчас вижу, как мне помогает занятие научной деятельностью во время обучения на бакалавриате, как развитие исследовательских навыков помогает мне видеть проблемы комплексно и также комплексно их решать. (С. С., студентка 4-го курса)

Также нами выявлена существенная зависимость развития исследовательских навыков и академической мобильности. Те, кто занимается исследовательской деятельностью в научном клубе или вне его, в три раза чаще чем остальные бывают в других городах на различных конференциях (научный туризм), выступают в солидных сообществах (социальный и научный капитал), расширяют собственный кругозор (интеллектуальная насыщенность жизни) и вовлечены в академическую мобильность (стажировки) (рис. 2).

Я побывала в 10 городах на научных конференциях за время занятий в научном клубе, прошла стажировку в Москве, безусловно, получила социальный капитал, который мне поможет поступить в столице в магистратуру в НИУ ВШЭ на социологию. (М. А., студентка 4-го курса)

Интеллектуально насыщенная научная жизни, которая сопровождается научным туризмом, знакомством с множеством интересных людей, проживающих в разных концах нашей необъятной стра-

ны – это воплощенные на практике мечты моей жизни. (И. А., студент 3-го курса)

Занимаясь развитием исследовательских навыков, мы усиливаем свой социальный капитал, который помогает нам лучше устроиться в жизни, участвовать в различных стипендиальных программах, запускать социальные проекты и быть активным участником научно-социальных инноваций. (Д. А., студент 3-го курса)

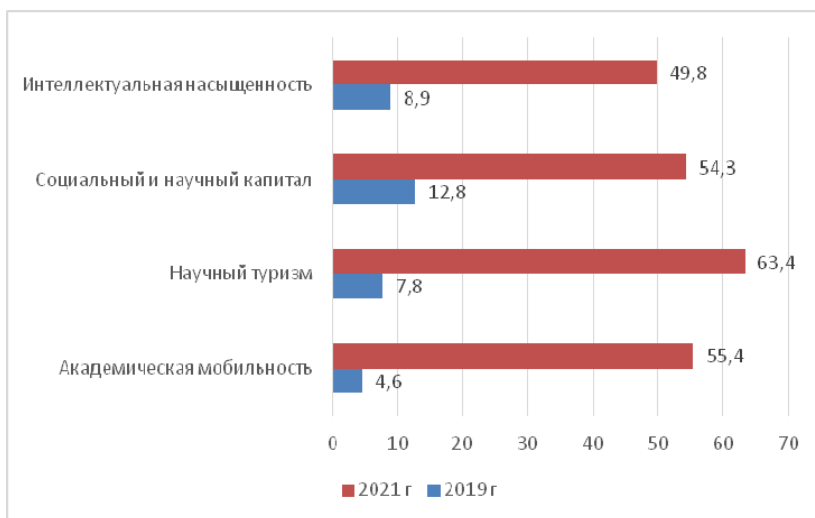

Рис. 2. Факторы социального роста, возникшие благодаря исследовательской деятельности

Исследовательская деятельность расширяет кругозор, дает новые возможности и ресурсы для социального развития и прогнозирования новых условий и форм личностного и профессионального роста. Занимаясь в научном клубе, развивая на учебных парах исследовательский потенциал, студенты вкладывают ресурсы в свое будущее, развивают свои собственные возможности, которые расширяют их стратегии социальной адаптации во время обучения и после него.

Таким образом, исследовательский потенциал студентов является основой их успешного развития в жизни, создавая навыки определенного мышления, развивая различные формы коммуникации, обогащая их жизненный потенциал через мобильность и социальную активность. Исследовательский потенциал – это инструмент социальной реализации современных активных, инициативных студентов.

Литература

1. Азов А. XVI Фулбрайтовская международная гуманитарная летняя школа «Академическое письмо: актуальный международный опыт» // НЛО. 2014. № 1 (125) С. 411–414
2. Минеева И. Н. Академическое эссе: теория и практика жанра // Проекты. Программы. Гипотезы. 2015. С. 7–14.
3. Молдашев К. От идеи к публикации: методология исследования в социальных науках: монография Алматы : СДУ, 2017. 167 с.
4. Пружинин А. Н. Роль академического эссе в развитии исследовательских навыков студентов // В поисках социальной истины : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. В. А. Решетникова, О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск, 2019. С. 285–288.

Роль экспертно-аналитического метода в профессиональной деятельности социолога

Аннотация. Рассматривается роль экспертно-аналитических мероприятий в профессиональной деятельности социолога на примере анализа реализации государственной программы Иркутской области «Развитие юстиции и правовой среды» на 2019–2024 гг. Также анализируется структура государственной программы и выделение смысловых блоков. Предлагается авторская методика по возможной оценке проблем, возникших при реализации настоящей государственной программы. Подчеркивается важность существования экспертно-аналитических мероприятий, проводимых контрольно-счетной палатой Иркутской области.

Ключевые слова: экспертиза, экспертно-аналитическая деятельность, государственная программа, социология, правовая среда, экспертная оценка.

S. A. Safonov

The role of the expert-analytical method in the professional activity of a sociologist

Abstract. The article examines the role of expert-analytical measures in the professional activity of a sociologist by analyzing the implementation of the state program of the Irkutsk Region “Development of Justice and the Legal Environment” for 2019–2024. The structure of the state program and the allocation of semantic blocks are also analyzed. The article suggests the author's methodology, according to the possible assessment of the problems that arose during the implementation of this state program. The importance of the existence of expert and analytical activities carried out by the Control and Accounting Chamber of the Irkutsk Region is emphasized.

Keywords: expertise, expert-analytical activity, state program, sociology, legal environment, expert assessment.

На рубеже веков в России начали формироваться три сектора характерные для демократического государства. Среди них: государственный сектор с его властными механизмами, общественный сектор (некоммерческие организации, общественные объединения и проч.), а также коммерческий или бизнес-сектор. Потребность в самоорганизации данных структур и введение правовых механизмов взаимодействия требуют пересмотра текущей модели сотрудничества в правовом поле. Отсюда возникает необходимость в формировании новых нормативно-правовых мер и норм, дающих возможность гармоничного сосуществования, оптимизации деятельности данных структур и ведомств. Развитие правовой среды и правового регулирования общественной

деятельности является неотъемлемым атрибутом правового государства. Россия, как демократическая страна, направляет большие ресурсы на создание государственных программ по развитию и совершенствованию правового поля. На основании этого в Иркутской области была принята государственная программа «Развитие юстиции и правовой среды» на 2019–2024 гг. Данная программа должна стать одним из шагов для развития некоммерческого и коммерческого секторов в правовом пространстве.

В рамках настоящей программы предлагается возможная методика оценки эффективности государственной программы Иркутской области «Развитие юстиции и правовой среды» на 2019–2024 гг., для оценки актуальности и эффективности реализации государственной программы на территории Иркутской области, а также определение вклада результатов в развитие правовых механизмов взаимодействия государственной власти, а также некоммерческого и коммерческого секторов гражданского общества.

Главной целью настоящей программы является развитие судебной системы и правовой среды в Иркутской области. Для достижения поставленной цели были выдвинуты следующие задачи:

1. Создание условий для осуществления независимой и эффективной деятельности судебной власти;
2. Организация правового просвещения населения на территории Иркутской области;
3. Осуществление государственной политики Российской Федерации в сфере государственной регистрации актов гражданского состояния на территории Иркутской области.

Целевыми показателями государственной программы стала удовлетворенность населения Иркутской области деятельностью в сфере обеспечения судебной системы, услугами в сфере правового просвещения, оказания бесплатной юридической помощи, регистрации актов гражданского состояния.

Структура настоящей государственной программы состоит из 3 подпрограмм, среди них:

1. Развитие юстиции в Иркутской области;
2. Развитие системы правового обеспечения населения;
3. Осуществление государственной регистрации актов гражданского состояния на территории Иркутской области.

В паспорте государственной программы также предусмотрены ожидаемые конечные результаты реализации государственной программы. Среди них присутствуют такие показатели как: удовлетворенность населения Иркутской области деятельностью в сфере обеспече-

ния судебной и правовой системы, услугами в сфере правового просвещения, оказания бесплатной юридической и другой помощи.

Метод экспертных оценок

В социологии для анализа подобного рода программ и документов применяется широкий спектр методов. Одними из наиболее эффективных, по нашему мнению, является метод экспертных оценок. В основе определения эффективности реализации государственной программы «Развитие юстиции и правовой среды» на 2019–2024 гг. положен метод экспертных оценок. Как пишет А. И. Кравченко в книге «Методы социологического исследования»: «Метод экспертных оценок – это вид экспертного опроса, предполагающий использование экспертных оценок. Основное содержание метода заключается в рациональной организации осуществляемого экспертами анализа проблем с последующей оценкой выделенных суждений и обработкой полученных данных» [6, с. 490]. Важность экспертов в данном методе подчеркивается их участием в правовой сфере и специфическим знанием о ней. Использование данного метода даст возможность применить оценочные шкалы, и получить мнения экспертов, специализирующихся в данной области, что позволит составить наиболее достоверный и объективный портрет реализации государственной программы на территории Иркутской области.

Порядок организации и проведения экспертизы предусматривает следующие этапы:

1. Разработка критериев оценки эффективности Государственной программы.
2. Разработка инструментария для экспертов.
3. Определение критериев отбора и на основании критериев формирование списка экспертов.
4. Проведение экспертизы.
5. Анализ и обработка результатов.
6. Получение итоговой оценки программы.
7. Подготовка выводов и рекомендации об эффективности реализации или отклонении Государственной программы.

Проведение оценки эффективности государственной программы «Развитие юстиции и правовой среды» на 2019–2024 гг. подразумевает выполнение следующих последовательных шагов.

Первый этап. Разработка инструментария, включающего критерии эффективности программы.

При оценке эффективности данной государственной программы необходимо выделить следующие критерии:

- степень актуальности проблемы;

- степень новизны государственной программы;
- уровень проработанности государственной программы;
- уровень финансового обеспечения;
- эффективность бюджетных затрат на реализацию государственной программы;
- степень возможных рисков реализации государственной программы;
- степень общественной признанности результатов;
- степень влияния внешних и внутренних факторов на реализацию государственной программы.

Необходимо отметить, что каждый критерий, в зависимости от поставленного вопроса, будет оцениваться по шкале от 1 до 5. Такой разброс оценок даст возможность составления наиболее достоверного портрета о возможных недостатках или достоинствах настоящей государственной программы.

Второй этап. Разработка критериев отбора экспертов.

Чтобы эксперты смогли дать достоверную оценку государственной программы, отбор экспертов происходит на основании соответствия следующим критериям:

- степень компетентности эксперта в исследуемой области;
- стаж работы в занимаемой должности от 3 лет;
- репутационный капитал, выраженный в профессиональных наградах и заслугах;
- личностные качества;
- участие в специализированных советах, комиссиях и т. п.

Осуществляется подбор экспертов с целью профессиональной оценки настоящей государственной программы с учетом требований, реализуемых в их профессиональном сообществе.

Третий этап. Формирование списка экспертов на основании выделенных критериев. Список будет сформирован на основании места работы экспертов, а также их контактных и персональных данных.

Четвёртый этап. Проведение самого экспертного исследования на территории Иркутской области о государственной программе.

Пятый этап. Анализ результатов, их интерпретация, и получение единой экспертной оценки об эффективности государственной программы «Развитие юстиции и правовой среды» на 2019–2024 гг.

Шестой этап. Разработка практических рекомендаций по дальнейшему ходу реализации или по отклонению государственной программы [5]. После проведения исследования, ознакомившись с результатами, выдвигается ряд рекомендаций. В случае, если экспертная оценка высокая или средняя, то могут быть предложены дополнительные

ные меры, относительно подпрограмм или отдельных мероприятий, направленных на обеспечение более высокой эффективности и сбалансированной реализации данной государственной программы. Если была получена низкая экспертная оценка, необходимо разработать рекомендации относительно новых путей и способов реализации программы, или, в крайнем случае – полное отклонение государственной программы в виду её низкой эффективности и её отправление на дальнейшую модернизацию с учетом полученных рекомендаций в ходе экспертных оценок.

В ходе исследования, экспертам также необходимо заполнить анкету с критериями оценками эффективности ведомственной целевой программы «Развитие юстиции и правовой среды» на 2019–2024 годы, и выбрать необходимую оценку, подходящее под текущее влияние указанных факторов на реализацию государственной программы на территории Иркутской области. Для этого им предлагается заполнить авторскую анкету, разработанную под данные цели.

Критерии для оценки эффективности ведомственной целевой программы «Развитие юстиции и правовой среды» на 2019–2024 годы и диапазоны их измерения

1. Ваша оценка состояния материальной базы Иркутской области для комфортного осуществления данной государственной программы (оцените, пожалуйста, по пятибалльной шкале, где 1 – низкий уровень состояния, 5 – высокий уровень состояния).

1	2	3	4	5
---	---	---	---	---

2. Дайте, пожалуйста, оценку деятельности компетентных структур по развитию правового поля в Иркутской области и обеспечению его доступности для граждан (оцените, пожалуйста, по пятибалльной шкале, где 1 – низкий уровень эффективности деятельности, 5 – высокий уровень эффективности деятельности).

1	2	3	4	5
---	---	---	---	---

3. Пожалуйста, оцените степень востребованности данной целевой программы для Иркутской области (оцените, пожалуйста, по пятибалльной шкале, где 1 – низкая степень востребованности государственной программы; 5 – высокая степень востребованности государственной программы).

1	2	3	4	5
---	---	---	---	---

4. Ваша оценка степени новизны государственной программы для Иркутской области (оцените, пожалуйста, по пятибалльной шкале, где 1 – государственная программа не обладает новизной, подобные проекты уже были реализованы на территории Иркутской области; 5 – подобный проект впервые применяется в Иркутской области).

1	2	3	4	5
---	---	---	---	---

5. Пожалуйста, дайте оценку степени проработанности государственной программы с позиции информационного обеспечения граждан о её действии на территории Иркутской области (оцените, пожалуйста, по пятибалльной шкале, где 1 – низкая степень проработанности, 5 – высокая степень проработанности).

1	2	3	4	5
---	---	---	---	---

6. Оцените, пожалуйста, степень осуществления изменений государственной программы Иркутской области в соответствии с законодательством Иркутской области (оцените, пожалуйста, по пятибалльной шкале, где 1 – низкая степень соответствия, 5 – высокая степень соответствия).

1	2	3	4	5
---	---	---	---	---

7. Оцените, пожалуйста, уровень реализации мероприятий долгосрочной целевой программы «Развитие юстиции и правовой среды на 2019–2024 годы» (оцените, пожалуйста, по пятибалльной шкале, где 1 – перечисленные в Программе мероприятия не реализуются, 5 – мероприятия реализуются в полном объеме).

1	2	3	4	5
---	---	---	---	---

8. Пожалуйста, дайте оценку уровень финансового обеспечения государственной программы (оцените, пожалуйста, по пятибалльной шкале, где 1 – финансовое обеспечение недостаточное для реализации данной программы, 5 – достаточный уровень финансового обеспечения).

1	2	3	4	5
---	---	---	---	---

9. Ваша оценка степени возможных рисков в реализации государственной программы (оцените, пожалуйста, по пятибалльной шкале, где 1 – риски почти отсутствуют, 5 – высокая степень рисков).

1	2	3	4	5
---	---	---	---	---

10. Оцените, пожалуйста, наличие проблем, препятствующих реализации государственной программы *(оцените, пожалуйста, по пятибалльной шкале, где 1 – проблем, препятствующих реализации программы, не наблюдается, 5 – существует множество проблем, препятствующих реализации государственной программы).*

1	2	3	4	5
---	---	---	---	---

11. Ваша оценка степени общественной признанности результатов, полученных при реализации государственной программы *(оцените, пожалуйста, по пятибалльной шкале, где 1 – низкая степень общественного признания, 5 – высокая степень признания).*

1	2	3	4	5
---	---	---	---	---

12. Дайте оценку степени влияния внешних факторов и рисков (политические, экономические, демографические и пр.) на реализацию государственной программы в Иркутской области *(оцените, пожалуйста, по пятибалльной шкале, где 1 – низкая степень влияния, 5 – высокая степень).*

1	2	3	4	5
---	---	---	---	---

13. Пожалуйста, дайте оценку степени влияния внутренних факторов (материально-техническая база, уровень квалификации сотрудников и др.) на реализацию государственной программы в Иркутской области *(оцените, пожалуйста, по пятибалльной шкале, где 1 – низкая степень влияния, 5 – высокая степень).*

1	2	3	4	5
---	---	---	---	---

После заполнения данной анкеты, из баллов выводится среднее арифметическое значение. Если оценка выше 3 баллов, значит фактор влияния данных характеристик на проблему достаточно высок. Если диапазон оценки находится с 2 баллов до 3, значит влияние факторов незначительно. Когда оценка экспертов находится в районе от 0 до 2 баллов, значит степень влияния данных факторов на процесс реализации государственной программы не имеет значения.

Критерии оценки эффективности государственной программы «Развитие юстиции и правовой среды» на 2019–2024 гг.

Согласно нормативно-правовому акту «О Порядке проведения и критериях оценки эффективности реализации государственных программ Иркутской области» [4], мы основываемся на том, что критерии

оценки эффективности государственной программы прежде всего, базируются на достигнутых и предполагаемых целевых показателях, закладываемых в самой государственной программе. В аспекте нашей программы, такими индикаторами являются:

1. Доля мировых судей, прошедших повышение квалификации в установленные законодательством сроки;
2. Доля мировых судей, прошедших профессиональную переподготовку в порядке, установленном законодательством;
3. Доля обеспеченности судебных участков мировых судей служебными помещениями в соответствии с утвержденными нормативами, от общего числа судебных участков;
4. Количество граждан, получивших бесплатную юридическую помощь и юридическую помощь в труднодоступных и малонаселенных местностях Иркутской области.

Для расчета целевых показателей Государственной программы Иркутской области «Развитие юстиции и правовой среды» на 2019–2024 годы используются следующие формулы и методики:

Показатель «Доля мировых судей, прошедших повышение квалификации в установленные законодательством сроки», рассчитывается по следующей заданной формуле:

$$X = (r / g) \cdot 100 \%,$$

где имеют место следующие показатели:

X – доля мировых судей, прошедших повышение квалификации в установленные законодательством сроки (в процентах);

r – количество мировых судей, прошедших повышение квалификации;

g – количество мировых судей, которым требуется повышение квалификации.

Показатель «Доля мировых судей, прошедших профессиональную переподготовку в порядке, установленном законодательством», рассчитывается по формуле:

$$D = (t / y) \cdot 100 \%,$$

где имеют место следующие показатели:

D – доля мировых судей, прошедших профессиональную переподготовку в порядке, установленном законодательством (в процентах);

t – количество мировых судей, прошедших профессиональную переподготовку;

y – количество мировых судей, которым требуется профессиональная переподготовка.

Показатель «Доля обеспеченности судебных участков мировых судей служебными помещениями в соответствии с утвержденными нормативами, от общего числа судебных участков», рассчитывается по формуле:

$$V = (m / n) \cdot 100 \%,$$

где имеют место следующие показатели:

V – доля обеспеченности судебных участков мировых судей служебными помещениями в соответствии с учрежденными нормативами, от общего числа судебных участков;

m – площадь служебных помещений фактически занимаемых и используемых 135 судебными участками;

n – минимальный размер площади для 135 судебных участков, предусмотренный постановлением администрации Иркутской области от 4 августа 2008 г. № 227-па «О нормативах обеспечения деятельности мировых судей Иркутской области».

Показатель «Количество граждан, получивших бесплатную юридическую помощь и юридическую помощь в труднодоступных и малонаселенных местностях Иркутской области», определяется в соответствии с фактическим количеством граждан, которые обратились за бесплатной юридической помощью в Госюрбюро по Иркутской области и к адвокатам за отчетный период.

Перечисленные выше целевые показатели и формулы, определяющие их, направлены на наиболее комфортное функционирование судебной системы. Также ряд показателей затрагивают бесплатную юридическую помощь населению, что также может служить индикатором качества реализации государственной программы на территории Иркутской области.

Нами был рассмотрен процесс оценки целевых показателей настоящей государственной программы. Однако следует подчеркнуть, что существуют и универсальные формулы оценки для государственных программ. Разработаны такие показатели с целью наиболее достоверной и объективной оценки, сопоставлению с частными показателями. Одной из таких формул является следующая:

$$\mathcal{E}_{\text{гп}} = (\Phi_{\text{п}} / \Pi_{\text{п}}) \cdot 100 \%,$$

где имеют место следующие показатели:

$\mathcal{E}_{\text{гп}}$ – эффективность реализации государственной программы;

$\Phi_{\text{зпд}}$ – фактический показатель, достигнутый в ходе реализации государственной программы;

$\Pi_{\text{п}}$ – плановый показатель реализации государственной программы.

Интерпретация результатов, полученных в ходе вычисления:

90–100 % – высокая эффективность государственной программы;

60–80 % – средняя эффективность программы, требуется дополнительный анализ проблем, влияющих на уровень эффективности, а также доработка некоторых пунктов подпрограмм, плана реализуемых мероприятий;

менее 60 % – программа не эффективна, требуется дополнительный анализ или полный отказ от дальнейшего хода реализации государственной программы.

*Оценка рисков реализации государственной программы
«Развитие юстиции и правовой среды» на 2019–2024 годы*

При реализации государственной программы могут возникнуть различного рода риски, оказывающие влияние на подсчет целевых показателей, а также на конечные результаты реализации мероприятий государственной программы. Оценка рисков – это один из важных экспертно-аналитических методов в социологической науке, позволяющих выявить различные вероятности событий, способных негативно отразиться на ходе реализации государственной программы и, что самое главное, постараться заложить некоторые инструменты по нивелированию данных рисков.

Среди имеющихся рисков мы можем отметить следующие:

1. Финансово-экономические риски – недофинансирование или полное отсутствие финансирования мероприятий государственной программы, в том числе сокращение финансирования подпрограмм или мероприятий государственной программы;

2. Социальные риски – связаны с низкой социальной активностью населения и их низкой заинтересованностью в юридических и правовых услугах.

Заметным преимуществом данного метода является, как мы уже отметили выше, прогноз возможных рисков, возникающих в ходе реализации государственной программы. Если заранее учитывать возможные убытки в ходе реализации государственной программы, то можно разработать необходимые меры по их снижению до незначительных процентов и учитывать как погрешности. По нашему мнению, одними из инструментов по понижению возможных рисков при реализации настоящей государственной программы могут стать:

1. Проведение информационно-разъяснительной работы с населением по поводу наличия и реализации настоящей государственной программы на территории Иркутской области, в том числе в средствах

массовой информации, в целях повышения информированности населения о возможностях, представляемых в рамках реализации мероприятий государственной программы и стимулирования участия в ней;

2. Проведение мониторинга за ходом выполнения мероприятий государственной программы специализированными службами и ведомствами.

Таким образом, нами были рассмотрены экспертно-аналитические методы, позволяющие оценить эффективность реализации государственной программы на территории Иркутской области. Нами были выделены следующие методы: метод экспертных оценок, оценка достигнутых целевых показателей, универсальные показатели о ходе реализации государственной программы, а также оценка возможных рисков в ходе реализации государственной программы на территории Иркутской области. Данные методы отмечаются нами как одни из самых перспективных и наиболее удобных при рассмотрении государственной программы. Описанные выше методы, позволяют объективно оценить эффективность государственной программы, а также оценить её адаптивный характер для дальнейшей реализации на территории других субъектов РФ. Преимущество каждого заключается в объективности и достоверности и взгляде с разных аспектов. Следует подчеркнуть, перспективность данных методов оценки эффективности государственной программы ввиду их универсальности и адаптивности под ключевые задачи анализа.

В рамках экспертно-аналитической деятельности также проводятся мероприятия по анализу экспертиз, вынесенных контрольно-счетной палатой субъекта РФ. С появлением новых структур обозначается и потребность в правовом регулировании их деятельности. Такая мера позволит более четко обозначить дальнейшие вектора развития для всех игроков общественного поля. При принятии и разработке законопроектов, необходимо учитывать их соответствие с уже принятым конституционным, федеральным и областным законодательством. Проводя ряд экспертно-аналитических мероприятий, мы сможем наиболее детально раскрыть правовое соответствие или несоответствие поправок в действующие законы Иркутской области.

На территории Иркутской области такие мероприятия входят в юрисдикцию Контрольно-счетной палаты региона. На данном источнике в свободном доступе находятся проекты экспертиз на региональные законы или поправки к ним, позволяющие оценить уровень соответствия принимаемых правовых норм действующему законодательству. В рамках моей темы выпускной квалификационной работы, исследовательский интерес представляет экспертиза по внесению попра-

вок в действующий закон Иркутской области о поддержке социально ориентированных некоммерческих организациях. В связи с этим, нами было предпринята попытка проведения анализа действующего процесса принятия поправок в действующий закон Иркутской области.

Анализу была подвергнута экспертиза контрольно-счетной палаты Иркутской области «Заключение № 01/07-Э на проект закона Иркутской области «О внесении изменений в статью 15 Закона Иркутской области «Об областной государственной поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций» № ПЗ-293». Тема поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций волнует каждого гражданского активиста. Как мы знаем, бюджет некоммерческих организаций не имеет постоянных вливаний извне, и поэтому предполагает существование дополнительных источников материальной помощи от государства или добровольцев. В нашей стране, на сегодняшний день вопрос об некоммерческих организациях стоит достаточно остро. Реализуются дополнительные меры по содействию их развития на территории Российской Федерации. Так, например, действие некоммерческих организаций в Российской Федерации регулируется Федеральным законом от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 08.06.2020) «О некоммерческих организациях». Данный нормативно-правовой акт является основным правовым регулятором деятельности некоммерческих организаций на территории Российской Федерации, в частности Иркутской области.

Обозначив основные регуляторы правовой деятельности НКО, можно перейти к обсуждению социально ориентированных НКО. Так как, цель социально ориентированных некоммерческих организаций, прежде всего, ориентация на социально значимую деятельность, поддержка таких инициатив и их продвижение, безусловно, важна. Для наиболее лучших условий существования социально ориентированных некоммерческих организаций предлагается улучшить способы поддержки данных организаций. Законопроектом предлагается оказать содействие социально ориентированным некоммерческим организациям путем информационной поддержки, а также в содействии в производстве и распространении социальной рекламы и информационных материалов о деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций в средствах массовой информации, а также оказание другой информационной поддержки.

Структура проведения экспертизы

Заключение по результатам экспертизы проекта закона Иркутской области производится на основании поручения Законодательного Собрания Иркутской области от 16.03.2018 № 848. Законопроект внесет в

порядке законодательной инициативы депутатом Законодательного Собрания Иркутской области Э. Е. Дикуновым. Заключение утверждено председателем Контрольно-счетной палаты Иркутской области от 23.03.2018 № 21-р И. П. Морохоевой.

Как мы можем заметить из анализа экспертизы, реализацию текущих мероприятий по информационной поддержке в виде содействия в производстве и распространении социальной рекламы и информационных материалов о деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций в средствах массовой информации предлагается осуществлять за счет средств, предусмотренных подпрограммой «Государственная региональная поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций в Иркутской области» на 2014–2020 годы государственной программ Иркутской области «Социальная поддержка населения» на 2014–2020 годы, утвержденной постановлением Правительства Иркутской области от 24.10.2013 № 437-пп.

Проект поправок до их утверждения Законодательным Собранием Иркутской области должен пройти правовую экспертизу на их соответствие текущему законодательству, выяснить, не вводят ли новые поправки избыточных обязанностей, запретов и ограничений для региональной власти и никак не обременяют дополнительными обязанностями социально ориентированные некоммерческие организации. Также выяснить, не повлекут ли новые поправки дополнительные финансово-экономические обязательства для бюджета Иркутской области.

Порядок проведения оценки проекта поправок закона Иркутской области (экспертиза)

Согласно действующему законодательству Иркутской области, порядок экспертизы нормативно-правовых актов регулирует положение о «Порядке проведения экспертизы нормативных правовых актов Иркутской области», утвержденное постановлением Правительства Иркутской области от 29 декабря 2017 г. № 906-пп.

Согласно данному положению, устанавливается следующий порядок проведения экспертизы:

1. Экспертиза осуществляется уполномоченным органом в соответствии с планом проведения экспертизы в порядке установленным настоящим законодательством Иркутской области и Российской Федерации;
2. Формирование плана о порядке проведения экспертно-аналитических мероприятий осуществляется уполномоченным органом с учетом предложений о проведении экспертизы, поступивших от за-

интересованных или других лиц, а также различных государственных организаций;

3. До включения в план уполномоченный орган, проводивший контрольно-аналитические мероприятия, запрашивает мнения о необходимости проведения экспертизы рассматриваемых нормативных правовых актов Иркутской области;

4. При проведении экспертизы и других контрольно-аналитических мероприятий осуществляется следующий план дополнительных мероприятий, в их числе: 1) проведение публичных консультаций; 2) рассмотрение мнений, замечаний, предложений, рекомендаций;

5. Заключение об экспертизе и её полный текст, публикуется на официальном сайте уполномоченного органа в течение одного рабочего дня со дня его подписания.

Нормативно-правовые основы проведения экспертизы:

1. Федеральный закон «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 08.06.2020)

2. Закон Иркутской области «Об областной государственной поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций» от 25.05.2011 № 32/8-ЗС.

3. Постановление Правительства Иркутской области «Об утверждении государственной программы Иркутской области «Социальная поддержка населения» на 2014–2020 годы» от 24.10.2013 г.

Основные выводы экспертизы

Данный проект поправок в действующий закон Иркутской области внесен в Законодательное Собрание Иркутской области депутатами Законодательного Собрания Иркутской области на основании правовых норм Конституции Российской Федерации, Федерального закона от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных представительных и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации».

Представленным Проектом закона вносятся изменения в Закон Иркутской области от 08.06.2011 № 37-ОЗ «Об областной государственной поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций». Как уже было сказано выше, данные поправки прежде всего предусматривают оказание социально ориентированным некоммерческим организациям информационной поддержки путем содействия в производстве и распространении социальной рекламы и информационных материалов; согласно финансово-экономическому обоснованию к Проекту закона, его принятие не повлечет расходов областного бюджета. Устанавливаемые Законопроектом положения об информационной

поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций, по своей сути, дублируют положения норм федерального законодательства (п. 12 ст. 31.1 Федерального закона № 7-ФЗ), что в то же время не является нарушением и не противоречит законодательству.

В случае принятия решения о внесении в Закон Иркутской области № 37-ОЗ вышеуказанных изменений Контрольно-счетной палаты Иркутской области предлагает абзац четвертый статьи 1 Законопроекта после слов «бесплатного предоставления» дополнить словом «печатной». В целом, внесение предлагаемых Законопроектом изменений может быть поддержано.

Основные результаты анализа экспертизы

Экспертиза показала, что в целом проект поправок в действующий закон Иркутской области 37-ОЗ «Об областной государственной поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций» может быть рекомендован к принятию Законодательным Собранием Иркутской области на ближайшей сессии на основании его полного соответствия действующему федеральному и областному законодательству.

Анализ экспертизы проекта поправок в Закон Иркутской области показывает, что их реализация направлена прежде всего на дополнительное оказание помощи социально ориентированным некоммерческим организациям в виде информационной поддержки путем содействия в производстве и распространении социальной рекламы и информационных материалов, размещаемых на информационных порталах и других площадках. Также приоритетной задачей, на решение которой направлены поправки, является оказание «информационных площадей» для рекламы. Речь идет об оказании социально ориентированным некоммерческим организациям информационной поддержки путем бесплатного предоставления площади для публикаций информационных материалов о деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций в печатных средствах массовой информации, учредителями или соучредителями которых являются органы государственной власти Иркутской области.

Таким образом, нами была подвергнута анализу экспертиза о внесении дополнительных поправок в действующий закон Иркутской области. Как мы увидели, экспертиза полностью отвечает современным требованиям экспертно-аналитических и контрольных мероприятий и соответствует профессиональным стандартам. Экспертиза была проведена на высоком уровне с учетом действующей нормативно-правовой базы как областного, так и федерального масштаба. Анализ данной экспертизы дополнительно показал и подтвердил необходимость суще-

ствования контрольных и экспертно-аналитических органов, оказывающих экспертное сопровождение как нормативно-правовых процедур, так и других мероприятий, реализуемых на территории Иркутской области.

Литература

1. О некоммерческих организациях : федер. закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 08.06.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/
2. Об областной государственной поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций : закон Иркут. области от 25.05.2011 № 32/8-ЗС // Правовые акты Иркутской области. URL: <https://irkutsk-pravo.ru/zakon/2011-06-08-n-37-oz/>
3. Об утверждении государственной программы Иркутской области «Социальная поддержка населения» на 2014–2020 годы : постановление Правительства Иркутской области от 24.10.2013 № 437-пп // Фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/460191679>
4. О Порядке проведения и Критериях оценки эффективности реализации государственных программ Иркутской области (с изм. на 24.06.2019) : постановление Правительства Иркутской области от 29.10.2014 № 545-пп // Консорциум «Кодекс»: электронный фонд правовой и нормативно-технической информации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/423856822> (дата обращения: 19.03.2021).
5. Об утверждении порядка принятия решений о разработке долгосрочных целевых программ Иркутской области и их формирования и реализации и порядка проведения и критериев оценки эффективности реализации долгосрочных целевых программ Иркутской области : постановление Правительства Иркутской области от 19.10.2012 № 575-пп // Консорциум «Кодекс»: электронный фонд правовой и нормативно-технической информации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/469417239> (дата обращения: 19.03.2021).
6. Кравченко А. И., Добренков В. И. Методы социологического исследования : учебник. М. : Инфра-М, 2004. 768 с.
7. Контрольно-счетная палата Иркутской области : сайт. URL: <http://irksp.ru/> (дата обращения: 19.03.2021)

Прикладные исследования

УДК 327.45
ББК 66.4(0)6

A. V. Zavalov

Features of Ukrainian Immigration to the European Union

Abstract. Historical highlights of Ukrainian migration by waves, the structure of the Ukrainian diaspora, the character of contemporary Ukrainian immigration worldwide and particularly to the European Union are discussed. Since Ukrainian immigration to the European Union is significant, its character is reflected from the contemporary perspective. All the European Union Member States are divided into three categories with their own features of Ukrainian immigration: countries that have had Ukrainian immigrants in their population structure for the last 80–120 years (“old” diasporas), countries that have begun to experience Ukrainian immigration since Ukraine restored independence (“new” diasporas) and countries that have Ukrainian ethnic lands (irridenta). Contemporary Ukrainian immigration to the European Union from perspectives of migration flows, employment, asylum seeking is also reflected.

Keywords: Ukrainian migrants, Ukrainian immigration, Ukrainian diaspora, European Union.

A. B. Завьялов

Характеристика украинской иммиграции в Европейский союз

Аннотация. Рассматриваются исторические вехи украинской миграции по волнам, структура украинской диаспоры, характер современной украинской миграции в мире и в частности в Европейском союзе. Украинская иммиграция в Европейский союз имеет значительные объемы, по этой причине ее характер исследуется в сравнительной перспективе. Страны-члены Европейского союза распределены на три группы исходя из специфики украинской иммиграции: страны, в структуре населения которых украинские иммигранты присутствуют на протяжении последних 80–120 и более лет («старые» диаспоры), страны, в которых украинские иммигранты стали появляться только после восстановления Украиной независимости в 1991 году («новые» диаспоры) и страны, территории которых включают исконно украинские этнические земли (ирредента). Современная украинская иммиграция в Европейский союз также рассматривается с точки зрения миграционных потоков, занятости, беженства.

Ключевые слова: украинские мигранты, украинская иммиграция, украинская диаспора, Европейский союз.

Nowadays, approximately 1/4 of ethnic Ukrainians live out of Ukraine. Being in the Ukrainian diaspora is historical, cultural and political reality for many Ukrainians [1, с. 76–80]. There are several definitions of what a Ukrainian diaspora is. First, it is Ukrainian national and/or ethnic community outside Ukraine. Second, it is Ukrainian ethnic community outside Ukrainian ethnic lands. [9] In addition, all Ukrainians (both citizens of Ukraine and ethnic Ukrainians who are citizens of other countries) are defined as “Foreign Ukrainians” by Ukrainian Law On Foreign Ukrainians (Ukrainian: *Закордонні українці*) [11]. A portion of Foreign Ukrainians live in nearby regions of neighbouring countries including Ukrainian ethnic territories of Belarus, Poland, Slovakia, Hungary, Romania, Moldova and Russia [38] so they are not diaspora in a classical understanding of this term because they did not migrate as they have lived there for centuries while borders changed, this is why they are irridenta. If we consider all Ukrainians living outside Ukraine as diaspora, then they are a part of Ukrainian diaspora in another understanding of this term.

Ukrainians, being one of the largest ethnic minorities in the European Union are directly involved in migration processes. Ukraine today is one of the countries with the largest outflow of labour force. The Soviet Union collapse, domestic political and economic crises (influenced by the external impact as well) led to a new constant wave of emigration from Ukraine. Ukrainian emigrants choose different countries for further settlement and work. Ukrainian diaspora as a social institute plays a great role in adaptation of Ukrainian immigrants [2; 6].

As S. Lazebnik states, it is not possible to define clearly the scope of the historical beginning of migration from Ukrainian ethnic lands since the fact that isolated cases of emigration have been recorded since the Middle Ages. However, from the end of the 17th and the beginning of the 18th centuries there were some groups of political emigrants in Europe, Turkey and Siberia (escapes in the case of Turkey and Europe and exiles in the case of Siberia).

Currently there are four waves of Ukrainian massive emigration. The first wave started in the 1870s and lasted until the beginning of World War I. The massive labour emigration (they were mostly peasants) from Ukrainian ethnic lands of the Austro-Hungarian Empire to the United States began in 1877, to Brazil in 1880 and to Canada in 1891; from Ukrainian ethnic lands of the Russian Empire to other parts of the country, mainly Siberia and

Far East, from the end of 19th century. By 1880, outside Ukrainian ethnic lands of the Russian Empire, there were already around 700,000 Ukrainians (Kuban, Northern Kazakhstan, Moscow, St. Petersburg, some areas in Siberia and Far East). Prior to World War I, about half a million Ukrainians left their ethnic lands and moved to North and South America with current estimates of approximately 350,000 to the USA, Canada – 100,000 and Brazil and Argentina – 50,000 combined. By 1920, the Ukrainian transatlantic diaspora had increased to 750,000 and a European (from Atlantic to Pacific Ocean) – up to 600,000 as a result of war [7].

The second wave covers the interwar period. It was due to a combination of socio-economic and political reasons. It consists not only of peasants, but of military personnel, public servants and intelligentsia who did not agree to be under the Soviet or Polish rule. In the period of 1920–1939, from Western Ukraine (parts of which were in Poland, Czechoslovakia and Romania) 60,000 people emigrated to South America, 35,000 to France and 70,000 to Canada. As for the Soviet Union, whose borders were closed and migration inside the country was far from being voluntary, according to the 1926 Soviet census, there were about 8 million Ukrainians outside the Ukrainian SSR with 7,8 million of them in the Russian SFSR. According to the 1939 Soviet census, there were 4,5 million Ukrainians outside the Ukrainian SSR with 3,3 million in the Russian SFSR (2,3 million in the European part and 1 million in the Asian section; the question of such a significant decrease of the Ukrainian diaspora in the USSR from the Ukrainian SSR is under heated discussions among scientists).

The third wave began at the end of World War II and continued till 1960s. These were mostly refugees from the British, American and French occupation zones. Most of them came back to the Ukrainian SSR. A significant part were forced migrants who were taken for unfree labour in Nazi Germany, as well as prisoners of war who were considered as traitors by the Soviet government. Most of them emigrated to Canada, United States, Australia, United Kingdom, Argentina, Brazil and France.

The fourth wave (so-called “labour”, Ukrainian: *заробітчанська хвиля*) began in 1989 when the USSR allowed legal emigration. Starting from 1990s, this type of migration rose significantly. The main reason was the poor economic situation in Ukraine, level of salaries and life. It continues today and consists of all employment niches: scientists, medical workers, engineers, other highly-qualified personnel and workers of other professions as well. [7] Contemporary Ukrainian immigrants comprise of a significant share in the structure of immigration flows to the European Union.

As it was noted above, it is not possible to clearly define the scope of the historical beginning of emigration from Ukrainian ethnic lands due to

the fact that isolated cases of emigration were recorded since the Middle Ages in Europe. Before the 1870s, Europe had a small number of Ukrainian immigrants who moved mostly for education, political reasons, public, diplomatic or church services.

The European Union consists of Member States which experienced different histories of Ukrainian immigration. Through highlighting the history of Ukrainian immigration to Europe, it is possible to divide EU Member States into three major groups with similar history and character of the Ukrainian immigration.

1. Countries that have had Ukrainian immigrants in their population structure for the last 80–120 years (“old” diasporas):

Austria experienced Ukrainian settlers in its contemporary territory since 1772 who came there as workers from other parts of Empire. During World War I, great numbers of Ukrainian refugees arrived (peasants, military personnel, intelligentsia), which increased the number of Ukrainians to approximately 50,000. In 1921–1945, the Ukrainian Free University (German: *Ukrainische Freie Universität*) worked in Austria (in 1945 it moved to Munich, where it continues to work today). After World War II, there were approximately 100,000 Ukrainians, most of them were deported to USSR after Soviet troops liberated Austria. There are no contemporary official statistics on number of ethnic Ukrainians in Austria, meanwhile, according to experts, there are 6,000–12,000 of them living mostly in cities. [25]

Belgium had small number of Ukrainian immigrants before World War II, but right after their number increased to at least 6,000. The contemporary Ukrainian diaspora of Belgium consists mostly of the old generation of Ukrainians who moved there with small number of Ukrainian immigrants in recent times. There are approximately 4,000 Ukrainians today who mostly live in urban areas. [17]

Bulgaria, before World War I, had Ukrainian immigrants, mostly as church and diplomatic servants, due to historical religious and political connections between two nations. After World War I, a small number of Ukrainians settled there. As for 2000s, there are approximately 5,000 Ukrainians, of those approximately 2,000 are Bulgarian citizens [10].

Croatia and *Slovenia* started to experience the Ukrainian immigration in 1745 when the first Ukrainians settled there due to economic reasons. These immigrations continued in the 19th century as well, but the size of diaspora was not significant. According to statistics, there are approximately 5,000 Ukrainians in Croatia [22] and 1,000 in Slovenia [15].

Czechia did not have huge flows of the Ukrainian immigration before the beginning of the 20th century. Before 1900s, they were mostly church and diplomatic servants, military and season workers. Since the 1900s,

Ukrainians started to consolidate and after World War I, when Czechoslovakia proclaimed its independence, the Ukrainian diaspora in the Czech part counted more than 20,000 people. Czechoslovakia was one of the major centres of Ukrainian cultural life in Europe in the interwar period. [1, C. 72–73] After World War II, when the Communist government came into power, all Ukrainian organisations were disbanded which led to Ukrainian emigration to West Germany. At the end of the 1980s, approximately 15,000 people identified themselves as Ukrainians in Czechia. Since the 1990s, Ukrainian diaspora grew quickly. Today there are approximately 130,000 of Czech citizens of Ukrainian origin and more than 100,000 citizens of Ukraine living in Czechia [23].

Estonia gained its Ukrainian immigrants mostly from post World War II. Before that there were several hundred Ukrainians. During the Soviet period, many Ukrainians were assigned to work in Estonia so their number increased significantly. In 1959, there were 15,500 which increased to 28,000 by 1970 with 36,000 in 1979 and 48,000 a decade later. After the dissolution of the USSR, their number decreased to 29,000 in 2000, 27,500 in 2010 and 23,100 in 2017. Ukrainians are mostly settled in urban areas and they are 3rd in the population structure of the country [18].

France had small number of Ukrainian immigrants before the beginning of the 20th century with most being church and diplomatic servants, artists and writers. After World War I many Ukrainian immigrants moved to France and the government of the Ukrainian People's Republic in exile was situated in Paris. After World War II the number of Ukrainian immigrants increased and France also became one of centres of Ukrainian cultural life in the Western world. The famous multivolume Encyclopaedia of Ukraine was published in France in 1951. According to experts, there are approximately 40,000 people of Ukrainian origin of different citizenships living in France today. [36]

Germany had a small number of Ukrainian students and diplomatic servants before the 1900s. At the beginning of the 20th century, it experienced a significant Ukrainian immigration due to economic reasons – approximately 340,000 Ukrainians arrived from Austria-Hungary in 1909–1913 (60 % of all foreign season workers). At World War I, there were approximately 300,000 prisoners of war of Ukrainian origin in camps, whose repatriation finished only in 1923 (but Germany hosted approximately 15,000 Ukrainians that times). At the interwar period, Germany experienced Ukrainian immigration from Poland due to economic reasons. World War II led to a great increase of Ukrainians in Nazi Germany, dozens of thousands of whom were war prisoners in camps. Most were repatriated back to the USSR by 1951. West Germany became a centre of Ukrainian cultural and

scientific life in Europe: a number of widely-known institutions were created, among them the Ukrainian Free University (moved from Vienna to Munich in 1945), Ukrainian Economic Institute (moved from Poděbrady in Czechoslovakia to Regensburg in 1945), Ukrainian Free Academy of Sciences, etc. In the 1970s, the Ukrainian diaspora of West Germany established cultural relations with the Soviet government. The reunification of Germany and dissolution of USSR changed the character of Ukrainian immigration significantly. There were approximately 20,000 Ukrainians in West Germany and some hundreds in East Germany in 1990 but by 2000 their number increased to 90,000 and 130,000 in 2005. [3] According to 2016 data, there were 272,000 ethnic Ukrainians of different nationalities [31].

Italy is connected with Ukrainians through the Christian religion and church. Many church servants from the Ukrainian Greek-Catholic church studied theology in Italian seminaries since the 16th century, among them many well-known Ukrainians. Other groups of immigrants settled in Italy after World War I (approximately 100,000) [1, p. 64] and World War II (15,000 additional immigrants). The Ukrainian Catholic University was founded in Italy in 1963. A great increase of the Ukrainian diaspora is observed from 1990s, when many Ukrainians immigrated because of economic reasons. According to present statistics, there are more than 200,000 Ukrainians living in Italy (the vast majority of them are citizens of Ukraine) [20].

Latvia gained its Ukrainian immigrants mostly from post World War II. Before that there were several hundred Ukrainians. During the Soviet period, many Ukrainians were assigned to work in Latvia so their number increased significantly. [24] In 1959, there were 29,500 which increased to 53,500 by 1970 with 66,700 in 1979 and 92,100 a decade later. After the dissolution of the USSR, their number decreased to 63,500 in 2000, and 45,700 in 2011. Ukrainians are mostly settled in urban areas and they are 4th in the population structure of the country. [29]

Lithuania had not experienced large flows of the Ukrainian immigration before World War II, but there were several hundreds of Ukrainians living there starting from the 19th century. Right after World War II, many Ukrainians from the Ukrainian SSR and other Soviet Republics were assigned to work in Lithuania which led to a significant increase of Ukrainians. In 1959, there were 17,500 increasing to 25,000 in 1970 and 45,000 by 1989. After the dissolution of the USSR, the number of Ukrainians decreased to approximately 22,500 by 2001 and 16,500 a decade later. The vast majority of Ukrainians are Lithuanian citizens who are mostly settled in urban areas. [30]

Sweden, due to historical reasons, started to receive Ukrainian immigrants around the 18th century. Many of them were workers or former military personnel, but there were church and diplomatic servants as well. Significant number of Ukrainians came to Sweden during and after World War II, most of them were former military personnel or refugees who emigrated from Finland as a result of the Soviet-Finnish War of 1940 and survivors from Soviet Gulag camps [1, C. 66]. During those times, there were approximately 2,000 Ukrainians and their size is not significant today as well. [37]

United Kingdom, which was a part of the European Union in 1973–2020, had not had significant Ukrainian immigration before World War II. Beginning in the 17th century, immigrants consisted of students of higher education institutions (particularly Oxford and Cambridge), diplomatic and church servants with small number of workers employed at different factories. At the end of the 19th century, a group of Ukrainian workers arrived in the United Kingdom and by 1912 there were 500 Ukrainians, but many of them then moved to the United States. After World War I, the United Kingdom hosted many diplomats, their families and public servants as well as intelligentsia from the former Ukrainian People's Republic of 1917–1921. [1, C. 61–62] After World War II, some Ukrainians (military personnel and workers) from France, Germany, Austria, Poland, Yugoslavia and other countries moved to the United Kingdom. At the same time, the United Kingdom was used as a transportation point for moving on to North American countries. There are no current official statistics on number of ethnic Ukrainians but, according to experts, there are approximately 30,000 who mostly live in urban areas and their number does not change significantly right after the World War II. [26]

2. Countries that have begun to experience Ukrainian immigration since Ukraine restored independence (they did not have significant number of Ukrainian immigrants in their population structure before Ukraine restored independence; “new” diasporas):

Denmark, Finland, Ireland, The Netherlands, Portugal, Spain did not have any Ukrainian immigrants except for a small number of World War II refugees and former military personnel (around 100–500 each) before Ukraine renewed independence. Today there are just several hundreds of Ukrainians in Ireland [19] and Denmark [28], 2,000 in Finland [35], more than 5,000 in The Netherlands [21]. They mostly live in cities.

South European countries had huge flows of Ukrainian immigration. According to official statistics of *Greece*, there are approximately 20,000 Ukrainians with the vast majority of them being Ukrainian citizens [27]. The Ukrainian diaspora in *Portugal* is one of the biggest among other diasporas in the country: it is second-third place in its population size and share. In

2002–2004, the size of Ukrainians in Portugal was above 60,000 but starting from 2004 there are approximately 40,000 of them (this number does not include Portuguese citizens and citizens of other countries of Ukrainian origin). [33] Since the 1990s, there was a huge wave of Ukrainian illegal immigration to *Spain* (many of them legalised during the legalisation campaign in 2000–2001). In 2010, there were approximately 83,000 and they have settled in large urban areas as well. [13] But recently, their number has had a tendency to decline due to the economic situation in these countries.

Such countries as *Cyprus*, *Luxembourg* and *Malta* have Ukrainian immigrants mostly as students and real-estate investors but their number is not significant (several dozen).

3. Countries that have Ukrainian ethnic lands (in these countries Ukrainians live in territories bordering Ukraine [autochthonous (indigenous) population], and in capital-cities) which means that they have lived there for centuries:

Hungary has a Ukrainian diaspora densely living in the Transcarpathia (Zakarpattia) region as well as in Budapest. In the mid-19th century, there were approximately 30,000 Ukrainians living in the present territory of the country. After the dissolution of Austria-Hungary, the assimilation processes accelerated and now Hungary has close to 9,000 Ukrainian Hungarians. [16]

Poland has a Ukrainian diaspora living in the Galicia (Halychyna) and nearby regions, major cities (Warsaw, Cracow) and the Northern Poland (Operation Vistula of 1947–1949) where they were moved from Galicia under the policy to divide Polish and Ukrainian population between Socialist Poland and Soviet Ukraine where approximately 500,000 Ukrainians were deported to the USSR and the rest were moved to the north of the country (approximately 150,000). After that, the assimilation processes accelerated significantly despite attempts to assimilate Ukrainians earlier. [1, C. 67–71] According to the 2011 Census, among Polish citizens there were 26,000 of those who noted only Ukrainian ethnicity and additionally 22,000 who stated Ukrainian ethnicity as one of two ethnicities. [32] There are approximately 500,000 Ukrainian citizens in Poland for employment [12].

Romania has a Ukrainian diaspora living in the north of the country where they have a majority in some municipalities and in major cities. Many Ukrainians are culturally assimilated due to the state policy of Socialist Romania but their number has not changed significantly since the 1960s and was approximately 60,000 for more than half-a-century. There is one seat reserved for the Ukrainian minority in the Parliament of Romania. [14]

Slovakia has a Ukrainian diaspora densely living in the Transcarpathia (Zakarpattia) region close to the former Czechoslovak region of Carpathian Ruthenia or Carpatho-Ukraine (Ukrainian autonomy in Czechoslovakia in

1919–1945, an unrecognized state in 1939) which was reunited with Ukraine in 1945. [1, C. 72–73] Their number has not changed significantly for the last half-a-century as well and is around 40,000 [34].

As A. L. Pawliczko states, despite the fact that the assimilation process takes its toll and many Ukrainians have intermarried, changed their surnames and become indistinguishable from the local population [41, P. 8], it should be taken into consideration that the main characteristic of the contemporary Ukrainian diaspora is that it has Ukrainian organisations and schools in every European Union Member State. There are public schools, Sunday schools, cultural organisations and unions. They do activities promoting Ukraine among Europeans organising events, publishing newspapers and broadcasting on TV and radio. There are Ukrainian Orthodox and Greek-Catholic churches in many Member States as well because they play a significant role in the preservation of the ethnic identity since a parish is not only the centre of faith and spiritual life but also of community life. Of course, activities depend on the number of active members but the fact is that the Ukrainian diaspora is well-organised and tends to develop its ethnic infrastructure in the European Union.

The largest Ukrainian organisation in the European Union is the European Congress of Ukrainians which unites the Ukrainian organisations of Belgium, Bulgaria, Croatia, Czechia, Denmark, Estonia, France, Germany, Greece, Hungary, Italy, Latvia, Lithuania, Poland, Portugal, Romania, Slovakia, Spain, Sweden (EU Member States), Bosnia and Herzegovina, Serbia and United Kingdom (non-EU countries). [5]

With regard to the number of European Union citizens, it has to be noted that many countries do not gather data on the ethnic origin of their populations and those that do, usually collect statistics only for the largest minorities while others gather information on country of birth or country of origin of immigrants. After a short analysis of the Ukrainian diaspora in each Member State, it is possible to conclude with the following top 10 EU Member States on the Ukrainian ethnic population living there (Table 1).

Despite the fact that the “old” diaspora in the European Union Member States is highly integrated and partially assimilated, the Ukrainian language has official status (the regional language) in some regions of the EU Member States such as: in Romania in counties of Maramureş (7 communes), Suceava (3 communes), Timiş (2 communes), Caraş-Severin (2 communes); in Slovakia in 86 communities; in Poland in 8 communities in Małopolska Voivodship; in Hungary and Croatia in some minor localities; and in Czechia as a minority language [45].

Table 1

Population size and share of Ukrainians in top 10 European Union Member States

#	Country	Size	Share, %	Year	Comment	Source
1	Germany	▲ ≈ 272,000	0.25	2016	Residing population	[46]
2	Italy	▲ 239,424	0.36	2019	Residing population	[52]
3	Poland	▲ ≈ 230,000	0.2	2018	Polish citizens + Permanent residence permit holders	[12]
4	Czechia	▲ 131,709	0.7	2018	Czech citizens + Permanent residence permit holders	[48]
5	Spain	▲ 90,530	0.2	2015	Residing population	[47]
6	Romania	▼ 51,703	0.25	2011	Romanian citizens	[49]
7	Latvia	▼ 43,069	2.2	2019	Latvian subjects	[42]
8	Portugal	▼ 29,218	0.5	2018	Permanent residence permit holders	[50]
9	Slovakia	▲ 40,912	0.7	2011	Slovak citizens	[51]
10	Estonia	▼ 23,183	1.7	2017	Estonian subjects	[43]

As O. Malynovska and I. Maidanik state describing the employment characteristics of contemporary Ukrainian immigration to the European Union Member States, the recent migration flows to such countries as Greece, Spain, Italy and Portugal are characterised by high feminisation due to the specificity of migrants' employment and labour market. For example, in 2013, Ukrainian immigrants were employed in different spheres of the European labour market: approximately 60 % females were employed in the sphere of housewifery (governess, caregivers, service staff) and 12 % in hotels and restaurants with 64 % males that were employed in the sphere of building construction and 14 % in industries. Only 8 % of all Ukrainian immigrants had their own business and 3 % were employers. The average salary of a Ukrainian immigrant in the European Union at that moment was 727,90 euro per month (but it highly depends on sphere: construction and agriculture as two extremes and country: France and Poland as two extremes). Ukrainian immigrants spend approximately 55 % of their earnings on their life in a host country. Approximately 77 % of immigrants send some earnings home to financially help their families and relatives [8].

Despite the ambiguous attitude towards migrants in European societies, there is a stable positive attitude (stereotype) toward Ukrainian immigrants as desirable guest workers because of their diligence, tolerance, efficiency,

discipline, education, ability to adapt quickly to an unfamiliar environment and high cultural level if to compare with other groups of ethnic immigrants [4].

As for numbers of contemporary Ukrainian immigration to the European Union Member States, the following statistics are:

Ukrainian citizens are in top 5 of foreign population in 2018 in such Member States as Italy (5th among foreign population, 237,000 or 4.6 % of the total number of foreigners), Czechia (1st, 114,200 or 22.2 %), Portugal (3rd, 32,500 or 7.7 %), Hungary (4th, 10,500 or 6.5 %), Estonia (3rd, 8,600 or 4.4 %), Lithuania (2nd, 6,200 or 22.7 %), Bulgaria (4th, 5,900 or 6.9 %), Latvia (3rd, 3,900 or 1.4 %). There are significant numbers of Ukrainian citizens in the immigration composition of such Member States as Germany, Spain and Poland (but they are not in the top 5 list).

There are statistics on the population born in Ukraine among foreign and national population of Member States such as: Italy (4th place among foreign-born population, 240,900 or 3.9 % of which were born in Ukraine), Czechia (1st, 107,500 or 23 %), Hungary (2nd, 61,600 or 11.5 %), Latvia (3rd, 32,500 or 13.2 %), Romania (4th, 24,600 or 4.8 %), Estonia (2nd, 23,200 or 11.8 %), Lithuania (3rd, 15,400 or 11.8 %), Slovakia (3rd, 11,100 or 5.8 %). There are also significant numbers of the population born in Ukraine living in Germany, Spain and Poland (but they are not in the top 5 list). [40]

Ukrainians moved from the fourth to the first place among main groups of citizenship granted a first residence permit in the European Union in recent years. For the last nine years, a number of Ukrainian citizens who received permits in the European Union has quadrupled: 2011 – 125,000, 2012 – 160,000, 2013 – 235,000, 2014 – 302,000, 2015 – 500,000, 2016 – 585,000, 2017 – 660,000, 2018 – 527,000 (for comparison, in 2018 second group was Chinese citizens with 200,000 permits). The main countries issuing permits in 2018 are Poland – 413,449 (78.5 % of all permits issued), Czechia – 26,979, Hungary – 21,793. Ukrainian citizens are in top 3 among citizens of foreign countries receiving permits in Member States such as Poland (1st), Czechia (1st), Slovakia (1st), Estonia (1st), Latvia (1st), Lithuania (1st), Hungary (1st), Bulgaria (3rd) and Denmark (3rd).

Distribution of issued permits by reason in 2018 includes:

- Employment – 64.7 %: Poland issued 80.4 % of them, followed by Hungary (6.1 %) and Czechia (5.2 %);
- Other reasons – 16.8 %: Poland issued 87.3 % of them, followed by Italy (3.7 %) and Czechia (2.1 %);
- Education – 11.9 %: Poland issued 87.8 % of them, followed by Slovakia (2.2 %) and Germany (2.1 %);

- Family reasons – 6.6 %: Poland issued 20.4 % of them, followed by Czechia (18 %) and Germany (14 %). [44]

With regard to asylum, Ukrainian citizens were in the 21th position among all non-EU citizens in 2019. There were approximately 15,000 first time applications in 2014 and more than 20,000 in 2015, and back to 15,000 in 2016. In 2018–2019 there were no more than 10,000 asylum seekers from Ukraine annually. Ukrainians applied for asylum status in 2019 in EU Member States such as Italy (4th among all asylum applicants, 1,775), Poland (2nd, 215), Czechia (2nd, 215), Latvia (4th, 10), Estonia (3rd, 5). There are significant numbers of Ukrainian citizens that applied for asylum in Spain, Germany, Portugal, Greece, France and Sweden (but they are not in the top 5 list). [39]

As we can see, Ukrainian diaspora and contemporary Ukrainian immigration is as different as the European Union is different by its Member States. Every country has its own specifics in Ukrainian immigration and character of formation of the Ukrainian diaspora. Nevertheless, integration processes in the EU continue and cooperation between Ukrainian organisations, immigrants and host societies becomes deeper.

As A. L. Pawliczko stresses, saying about the Ukrainian diaspora in general, they and their descendants are settled in present homelands and assimilated in varying degrees. Hard-working and resourceful, they have become successful in various professions, trade, business, and other lines of work, as other nations. Some actively participate in political, cultural, economic and social life of a residing country, many of them achieved important positions there as well. Most Ukrainians preferred to become citizens of countries where they live, following events that occur in the homeland and around them. [41, PP. 10–11]

Bibliography

1. Бабу́та М. Н. Формирование и современное состояние украинской диаспоры (конец XIX – начало XXI в.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.07. Томск, 2008. 162 с.
2. Завьялов А. В. Социальная адаптация украинских иммигрантов : монография. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2017. 179 с.
3. Косован Е. А. Украинская эмиграция в Германии (XIX – начало XXI в.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03. М., 2015. 297 с.
4. Толстокорова А. Энигма, враг или амиго?: роль аттитюдного фактора в конструировании опыта зарубежного трудоустройства украинских трудовых мигрантов // Inter. 2015. № 9. С. 43–58.
5. Європейський Конгрес Українців. Світовий Конгрес Українців. URL: <https://www.ukrainianworldcongress.org/uwc-member/evropejskyj-kongres-ukrayincziv/?lang=uk>.

6. Зав'ялов А. В. Соціальна адаптація українських іммігрантів : монографія. Київ : Саміт-книга, 2020. 180 с.
7. Зарубіжні українці. Довідник / С. Ю. Лазебник та ін. Київ : Вид-во «Україна», 1991. 256 с.
8. Малиновська О. А., Майданік І. П. Грошові перекази українських трудових мігрантів у країнах ЄС: чинники формування, канали, використання // Демографія та соціальна економіка. 2013. № 1(19). С. 120–131.
9. Оліфіренко В. В. Енциклопедія українознавства для школярів і студентів. Донецьк : Сталкер, 1999. 496 с.
10. Павленко В. В. Болгарія та українська еміграція // Енциклопедія історії України. Київ: Наук. думка, 2003. Т. 1. 688 с. URL: http://www.history.org.ua/index.php?encyclor&termin=Bolhariia_ukrainska.
11. Про закордонних українців: Закон України від 04.03.2004 № 1582-IV (із змінами) / Верховна Рада України. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1582-15#Text>.
12. Скільки українців живе у Польщі? Нове дослідження. Наш вибір: газета для українців у Польщі. URL: <https://naszwybir.pl/skilky-ukrayintsiv-zhyve-v-polshhi-nove-doslidzhennya/>.
13. Темірова Ю. І. Українські іммігранти в Іспанії // Слов'янський вісник, 2012. № 14. С. 221–224.
14. Україна – Румунія / Посольство України в Румунії. URL: <https://romania.mfa.gov.ua/spivrobitnictvo>.
15. Українська громада в Словенії / Посольство України в Республіці Словенія. URL: <https://slovenia.mfa.gov.ua/spivrobitnictvo/4168-ukrajinsyka-gromada-v-sloveniji>.
16. Українська громада, діаспора та трудова міграція / Посольство України в Угорщині. URL: <https://hungary.mfa.gov.ua/spivrobitnictvo/275-ukrajinci-v-ugorshhini>.
17. Українці Бельгії: Офіційна веб-сторінка. URL: <http://ukrainians.be/uk/index/news>.
18. Українці в Естонії / Посольство України в Естонській Республіці. URL: <https://estonia.mfa.gov.ua/spivrobitnictvo/108-ukrajinci-v-jestoniji>.
19. Українці в Ірландії / Посольство України в Ірландії. URL: <https://ireland.mfa.gov.ua/spivrobitnictvo/115-ukrajinci-v-irlandiji>.
20. Українці в Італії / Посольство України в Італійській Республіці, в Республіці Мальта та в Республіці Сан-Марино (за сумісництвом). URL: <https://italy.mfa.gov.ua/spivrobitnictvo/179-ukrajinci-v-italiji>.
21. Українці в Нідерландах / Посольство України в Королівстві Нідерланди. URL: <https://netherlands.mfa.gov.ua/spivrobitnictvo/ukrayina-niderlandi/143-ukrajinci-v-niderlandah>.
22. Українці в Хорватії / Посольство України в Республіці Хорватія. URL: <https://croatia.mfa.gov.ua/horvatska-ukrayiniana/pro-ukrayinsku-gromadu-v-respublicii-horvatiya>.
23. Українці в Чехії / Посольство України в Чеській Республіці. URL: <https://czechia.mfa.gov.ua/spivrobitnictvo/361-ukrajinci-v-chehiji>.
24. Українці Латвії (люди згадують, документи свідчать). Рига : Holda, 2006. 260 с.

25. Українці у Австрії / Посольство України в Республіці Австрія. URL: <https://austria.mfa.gov.ua/spivrobitnictvo/131-ukrajinci-v-avstriji>.
26. Українці у Великій Британії / Посольство України у Сполученому Королівстві Великої Британії та Північної Ірландії. URL: <https://uk.mfa.gov.ua/spivrobitnictvo/881-ukrajina-velika-britanija/595-ukrajinci-u-velikij-britaniji>.
27. Українці у Греції. Посольство України у Грецькій Республіці. URL: <https://greece.mfa.gov.ua/spivrobitnictvo/162-ukrajinci-u-greciji>.
28. Українці у Данії / Посольство України в Королівстві Данія. URL: <http://denmark.old.mfa.gov.ua/ua/ukraine-dk/ukrainians-in-dk>.
29. Українці у Латвійській Республіці / Посольство України в Латвійській Республіці. URL: <https://latvia.mfa.gov.ua/spivrobitnictvo/86-ukrajinci-u-latvijskij-respublici>.
30. Українці у Литві / Посольство України у Литовській Республіці. URL: <https://lithuania.mfa.gov.ua/spivrobitnictvo/ukrayinci-litvi>.
31. Українці у Німеччині / Посольство України у Федеративній Республіці Німеччина. URL: <https://germany.mfa.gov.ua/spivrobitnictvo/ukrayinci-u-nimechchini>.
32. Українці у Польщі / Посольство України в Республіці Польща. URL: <https://poland.mfa.gov.ua/spivrobitnictvo/232-ukrajinci-u-polysshi>.
33. Українці у Португалії / Посольство України у Португальській Республіці. URL: <https://portugal.mfa.gov.ua/spivrobitnictvo/240-ukrajinci-u-portugaliji>.
34. Українці у Словаччині / Посольство України в Словацькій Республіці. URL: <https://slovakia.mfa.gov.ua/spolupraca/kulturno-humanitarna/ukrajinska-komunita>.
35. Українці у Фінляндії / Посольство України в Фінляндській Республіці та Республіці Ісландія (за сумісництвом). URL: <https://finland.mfa.gov.ua/spivrobitnictvo/3265-ukrajinci-u-finlyandiji>.
36. Українці у Франції / Посольство України у Французькій Республіці. URL: <https://france.mfa.gov.ua/spivrobitnictvo/4770-ukrajinci-u-franciji>.
37. Українці у Швеції / Посольство України в Королівстві Швеція. URL: <https://sweden.mfa.gov.ua/spivrobitnictvo/ukrajinci-u-shveciji>.
38. Чирков О. Втрачені землі... // Україна просторова в концепційному окресленні Степана Рудницького. Київ : Українська Видавнича Спілка, 2003. С. 131–141.
39. Asylum statistics // Eurostat. URL: http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Asylum_statistics.
40. Migration and Migrant population statistics // Eurostat. URL: http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Migration_and_migrant_population_statistics.
41. Pawliczko A. L. Ukraine and Ukrainians through the World: A Demographic and Sociological Guide to the Homeland and Its Diaspora. Toronto, Buffalo, London: Published for the Shevchenko Scientific Society, Inc., by University of Toronto Press, 1994. 510 p.
42. Population by ethnicity in 21 development centres at the beginning of the year 2019. Latvija / Centrālā statistikas pārvaldes datubāzes. URL: https://data.csb.gov.lv/pxweb/en/iedz/iedz_iedzrakst/IRG080.px/table/tableViewLayout1/?rxid=cd00d9dc-a4e4-4b85-a975-e8b416dec23e.
43. Population by sex, ethnicity, nationality and county, 1 January 2017 / Statistics Estonia. URL: <http://andmebaas.stat.ee/Index.aspx?lang=en>.

44. Residence permits statistics on first permits issued during the year / Eurostat.
URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Residence_permits_-_statistics_on_first_permits_issued_during_the_year.
45. Treaty No 148 – European Charter for Regional or Minority Languages. Reservations and Declarations / Council of Europe. URL: <http://www.coe.int/en/web/conventions/search-on-treaties/-/conventions/treaty/148/declarations>.
46. Bevölkerung mit Migrationshintergrund Ergebnisse des Mikrozensus Fachserie 1 Reihe 2. 2 2016 // Statistische Bundesamt. Deutschland. URL: https://www.destatis.de/DE/Themen/Gesellschaft-Umwelt/Bevoelkerung/Migration-Integration/_inhalt.html.
47. Cifras de Población a 1 de enero de 2016. Estadística de Migraciones 2015. Adquisiciones de Nacionalidad Española de Residentes 2015. España. URL: <https://www.ine.es/prensa/np980.pdf>
48. Cizinci podle typu pobytu, pohlaví a státního občanství k 31.12.2018 // Ředitelství služby cizinecké policie. Česko. URL: https://www.czso.cz/documents/11292/27914491/1812_c01t11.pdf.
49. Comunicat de presă privind rezultatele provizorii ale Recensământului Populației și Locuințelor–România 2011. URL: http://www.recensamantromania.ro/wp-content/uploads/2012/02/Comunicat_DATE_PROVIZORII_RPL_2011.pdf.
50. Relatório de imigração, fronteiras e asilo 2018 // Serviço de estrangeiros e fronteiras. Portugal. URL: <https://sefstat.sef.pt/Docs/Rifa2018.pdf>.
51. Sčítanie obyvateľov, domov a bytov 2011 // Štatistický úrad Slovenskej Republiky. URL: <http://datacube.statistics.sk/SODB/TM1WebLogin.aspx>.
52. Ucraini in Italia // Cittadini Stranieri. Tuttitalia. URL: <https://www.tuttitalia.it/statistiche/cittadini-stranieri/ucraina/>.

Тенденции, проблемы и противоречия института родительства в современном российском обществе

Аннотация. Рассматриваются вопросы развития и трансформации института родительства. Выделяются проблемные зоны и намечаются перспективы развития института родительства, анализируются риски и способы моделирования и регулирования деятельности данного института.

Ключевые слова: институт родительства, институт семьи, ценности, нормы поведения, бездетная семейная культура (childfree), «эпизодическое» и биологическое отцовство, семьи с отложенным рождением детей.

V. D. Zagorodny

Institute tendencies, problems and contradictions parenting in modern Russian society

Abstract. The article deals with the development and transformation of the institution of parenting. The problem areas are highlighted and the prospects for the development of the institution of parenting are outlined, the risks and methods of modeling and regulating the activities of this institution are analyzed. The article deals with the development and transformation of the institution of parenting. The problem areas are highlighted and the prospects for the development of the institution of parenting are outlined, the risks and methods of modeling and regulating the activities of this institution are analyzed.

Keywords: parenthood institution, family institution, values, norms behavior, childless family culture (childfree), "episodic" and biological fatherhood, families with delayed childbirth

Института родительства как объект социологических и социально-психологических исследований стал рассматриваться ещё в первой половине XX в. К этому времени уже произошла фрагментация понятия «институт семьи» и особого внимания стало заслуживать изучение родительства как функционального базового элемента социализации подрастающего поколения. Данную фрагментацию связывают с потребностью отдельного изучения гендерных ролей родителей, то есть изучение отцовства и материнства. Статусно-ролевое разделение материнства и отцовства проходило по аналогии разделения труда на производстве, а в основу исследований были положены структурно-функциональные теории Т. Парсонса [8] и Э. Дюркгейма [15]. Последний считал, что именно рациональное разделение труда приведет ин-

ститут семьи в упадок, который в самой регрессивной своей точке будет представлен лишь как исключительные половые отношения, а функция воспитание нового поколения будет выполняться неэффективно, а в некоторых случаях пагубно. Т. Парсонс также рассматривал гендерное разделение семьи по статусно-ролевому признаку, говоря о том, что мужчины в семье должны отвечать за накопление материального капитала, обеспечивающего функционирование и выживание семьи, а женская функция заключается в уходе за членами семьи и воспитании детей. Однако социально-экономический строй современной России начинает трансформацию в сторону гендерного равенства с точки зрения статусно-ролевых функций.

Продолжая социологический анализ развития института родительства, стоит рассмотреть отечественные подходы к исследованию данного феномена. Основным социальным показателем института родительства выступили трансформации брака и родительских отношений, к которым относят сознательный отказ от детей (childfree), семейное партнерство (сожительство), семьи с бессемейными родителями, отложенное рождение детей и др. [3]. Данные явления являются объективным следствием трансляции западноевропейской социокультурной модели, начавшийся после распада СССР. Важно отметить, что институты брака и родительских отношений в обособленном режиме формируют свои механизмы функционирования. Параллельно с ними в рамках данных институтов формируются свои социальные статусы, социальные роли и нормы поведения. В результате проведенных исследований советскими и российскими социологами и психологами была сформирована кризисная парадигма родительства, которая характеризуется дисфункцией семьи как социального института, трансформацией социокультурных ценностей, транслирующийся родителями молодому поколению, и главное – снижение потребности в детях у современной молодежи России. Параллельно с описанной парадигмой формируется эволюционная парадигма института родительства и семьи, в основе своей которая имеет идею о неизбежной трансформации традиционных институтов семьи, брака и родительства, происходящие по причине социальных, экономических, культурных, политических и религиозных трансформаций. Данные парадигмы объективно подвели исследователей к тому, чтобы разграничить исследования институтов семьи, брака и родительства ввиду уникальных процессов внутри каждого института.

Дальнейшее изучение феномена родительства привело отечественных социологов и психологов к отдельному изучению материнства и отцовства, уже не как взаимодополняющих категорий, а как от-

дельных самостоятельных явлений, имеющих индивидуальные особенности, свои тенденции, проблемы и перспективы. Первым данную проблематику в отечественной науке начал разрабатывать И. С. Кон [6; 7]. На первоначальных этапах внимание представляли трансформации установок на семейную жизнь и родительство, а в дальнейшем область исследований расширилась до проблем неготовности к материнству и отцовству, субъективных причин отказа от ребенка, разрыва психологических и биологических связей между ребенком и его родителями. Базовыми линиями исследований в данной области явились следующие: соотношение биологического и социокультурного начал в родительстве, функциональные особенности отцов и матерей, роль трансформации социальной среды на социализирующую функцию родительства. Отдельный упор делался на выявление роли отцовства в формировании и развитии личности ребенка. Такое особое внимание к институту отцовства как механизму влияния на развитие ребенка обусловлено исторически, ведь в сравнении с институтом материнства, первый формируется гораздо позднее, к тому же он не является обязательным компонентом семьи, а лишь выражает принадлежность к определенному социокультурному типу. Например, в большинстве своем патриархальное устройство российских семей отчуждает отцов от выполнения конкретных воспитательных функций.

Особенности постиндустриального западного общества XXI века и перспективы развития его фундаментальных социальных институтов напрямую начинают транслироваться на современную социокультурную матрицу российского общества. Институт родительства оказался на стыке глобальных изменений в стране (переход к рыночной экономике, демократизации, цифровизации и информатизации общества, повышение личностного потенциала человека, рост роли женщин в социальной сфере), оказавших значительное влияние на него. Традиционные социальные институты России начинают претерпевать значительные структурно-функциональные трансформации, которые вытекают в совершенно новые для нашего общества формы, такие как: сожительство, семьи *childfree*, семьи с отложенным рождением детей и др. Большинство изменений институтов семьи, брака и родительства связывают с экономической самостоятельностью женщин, а также укреплением социокультурных ценностей, таких как: эгоцентризм, индивидуализм, материальные блага и власть, что диктует совершенно новую семейную парадигму. Н. В. Богачёва верно отметила, что «...супружество становится основной линией внутрисемейных отношений, тогда как родительство – второстепенной» [2]. Интенсивная динамика ценностно-нормативной культуры современных будущих

родителей в период глобальных социокультурных, экономических и политических трансформаций привела к переосмыслению ценностных ориентаций, что также привело к изменениям репродуктивных установок населения.

Говоря о современных тенденциях института родительства, можно выделить следующие:

1) снижение рождаемости, причем в некоторых ситуациях как причина трансформации института родительства, а в некоторых как следствие;

2) изменение норм родительского поведения среди женщин и мужчин, причем изменения дифференцируются в зависимости от социальных, этнических и возрастных факторов;

3) рационализация сферы планирования детей;

4) развитие сожителства как формы независимости мужчины и женщины друг от друга, что расширяет морально-этические границы поведения сожителей;

5) динамика моделей поведения отцов в процессе воспитания ребенка, причем, как положительная, так и отражательная (равноправие, безразличие, «эпизодическое» и биологическое отцовство);

6) увеличение количества неполных семей, чаще с матерью;

7) формирование сознательной бездетной семейной культуры (childfree).

Как уже было сказано, что тенденция снижения рождаемость в России ситуационно может являться причиной или следствием современного развития института родительства. Стоит отметить, что планирование и само рождение ребенка является также важной функцией института родительства наравне с функцией воспитания и социализации, поэтому его необходимо рассматривать отдельно. Снижение рождаемости является следствием трансформации репродуктивных установок населения как одной из ключевых функций института родительства. Вопрос ранжирования факторов, влияющих на данный процесс, на сегодняшний день до сих пор остается дискуссионным, но они строго дифференцируются на социокультурные и экономические.

Сдвиг репродуктивных установок населения России может быть связан с рядом специфических факторов, а именно: урбанизацией, повышением качества жизни, репродуктивной культурой населения, поддержкой родов, брачностью и разводимостью. Стоит отметить, что за последние 100 лет удельный вес городского населения значительно изменился (1914 г. городское население составляло только 17 %, в 1959 – уже 52 %, в настоящее время – 74 % [9]), но исторически в деревенских семьях рождалось на одного или более детей больше из-за

необходимости живой рабочей силы для поддержания экономического благополучия семьи. В среднем число детей в семьях уменьшилось, соответственно, идет депопуляция населения в целом. Следующий фактор не является противоречивым по сравнению с предыдущей причиной демографического кризиса в России, но повышение качества жизни также влияет на демографию страны. По сравнению со странами третьего мира в Российской Федерации существует социальная сфера, и благосостояние населения на приемлемом уровне, соответственно, удовлетворение населением своих материальных потребностей и низкий уровень риска для жизни, естественно, приводит к снижению численности детей в семьях. Репродуктивная культура населения понимается как «совокупный культурный опыт регулирования способности продолжения рода, складывавшийся в ходе эволюционного развития человечества» [1], т. е. можно сказать, что весь накопленный социокультурный опыт человека влияет на его желание/нежелание рождать большое количество детей. В социальных сетях и на форумах появляются группы, сообщества childfree, пропагандирующие бездетность в браке, расценивающих возможность не рождать детей как привилегию развитого социума и демократии.

Одним из важных факторов является отложенное рождение детей. Этот процесс можно увидеть в статистических данных за последние 60 лет (в 1950-е гг. большинство детей были рождены женщинами в возрастном интервале от 20–24 лет, но с 2008 г. мы наблюдаем устойчивую тенденцию – самое высокое число рождений на 1 тыс. женщин в интервале от 25–29 лет) [9]. Но так как фертильный возраст современной женщины не сильно изменился за последние 60 лет, с математической точки зрения женщина, откладывающая рождение детей, в максимальных показателях может иметь меньше детей. Рождение первого ребенка напрямую связано с материнскими чувствами и поведением. С одной стороны, случаи рождения ребенка несовершеннолетними матерями даже при широкой информатизации современного российского общества не сокращаются, что является следствием уменьшения среднего возраста вступления в половую жизнь среди молодежи. С другой стороны, высокая замотивированность женщин в карьерном, профессиональном, образовательном росте для достижения высокого экономического благосостояния и максимальной независимости от мужского пола приводит к увеличению возраста рождения женщиной первого ребенка. Важно понимать, что тенденция равенства возможностей мужчин и женщин в получении материальных и властных ресурсов приводит к развитию потребности у женщин в равных партнерских отношениях между отцом и матерью, а с другой стороны – потребно-

сти увеличения участия отцов в процессе воспитания. Проблема сложившейся ситуации заключается в неготовности отцов к такому резкому увеличению зоны ответственности в процессе воспитания ребенка, что приводит к увеличению семей с одним родителем. По данным Федеральной службы государственной статистики, на 2018 г. в России насчитывается 5 742 017 семей с одним родителем (32,7 % от общего числа), причем 88,6 % из них являются семьи матери с детьми [11]. Также проблемами являются «эпизодическое» и биологическое отцовство. «Эпизодическое» отцовство пагубно тем, что де-юре отец участвует в воспитании детей, находясь рядом с ними, но де-факто отсутствует эмоциональная вовлеченность, а при любой возможности отец уклоняется от выполнения своих функций. Исследователи связывают данные проблемы со снижением авторитета отцов при естественном процессе перехода от патриархального к равноправному семейному устройству. Исторически мужчина функционально служил как субъект трансляции социокультурных ценностей, знаний, умений и навыков, однако, данные функции на сегодняшний день взяли на себя социальные институты (образование и государство), а иерархическое положение семьи определено не статусом его главы (отца), а совокупными индивидуальными достижениями всех ее членов. Но зачастую страдает в основном не целостность семьи как ячейки общества и как социального института, а дети, воспитанные в атмосфере постоянных конфликтов. С другой стороны, ориентация женщин на профессионально-образовательный рост приводит к модификации института отцовства путем формирования новых функций. Современные отцы нового типа психологически и эмоционально поддерживают женщин при беременности и полностью включены в процесс воспитания и социализации ребенка.

Продолжая анализ современных тенденций института родительства, в обязательном порядке необходимо рассмотреть тенденцию рационализации сферы планирования детей. Современная российская молодежь, приняв индивидуальную материальную парадигму жизнедеятельности, функцию продолжения рода рассматривает не как естественную биологическую, являющуюся приоритетом биологического существа, а как социальную функцию, к которой необходимо подходить максимально ответственно и обдуманно. Планирование детей и создание материально-экономической основы для создания семьи и рождения детей стали нормой. В сравнении с советским периодом современная молодежь в возрасте от 18–30 лет в подавляющем большинстве считает, что семья должна сначала «встать с колен», а потом уже заводить детей [3]. Некоторые родители, в особенности в западной части России, настолько ответственно подходят к рождению детей, что

прибегают к специальной чистке организма перед зачатием, проходят специальные курсы для отцов и матерей. В связи с этим выросла культура контрацепции среди населения, ведь нежелательная беременность является одним из распространенных социальных страхов.

Переход к рыночной экономике привело к тому, что при росте потребностей современные родители стали осознавать всю материальную тяжесть воспитания детей. Данное осознание привело к развитию разных вариантов реализации парами свои потребности в репродукции. Интересным фактом является то, что в современных реалиях данное осознание «стоимости» воспитания детей также ограничивают тех родителей, которые хотели бы иметь их большое количество, причем даже государственная поддержка таких семей не приводит к полному удовлетворению потребности у таких родителей. То есть количество детей в семье уже определяется не желанием родителей, а их материально-экономическим благосостоянием. Но стоит отметить, что семьи политиков, бизнесменов и шоуменов с большим количеством детей являются лишь исключениями, а не логичной закономерностью. Некоторые случаи указывают на то, что богатые семьи с высокими доходами не заводят много биологических детей, а усыновляют детей-сирот [4].

Одновременно со всеми описанными современными тенденциями института родительства в России на сегодняшний день также получила свое развитие и популярность «сознательная бездетность» среди населения. По данным исследования Т. А. Гурко, в 2000 г. 6 % женихов и 3 % невест были ориентированы на создание семей *childfree*, однако в 1991 г. никто из опрошенных не указал своего желания создать бездетную семью [3]. В настоящее время в информационном поле России отсутствует системная пропаганда установок на создание многодетной семьи, да и семьи с детьми в целом, а укрепление эгоистичного отношения к своей собственной жизни современной молодежи приводит к увеличению влияния движения *childfree*. Развитие в социальных сетях и форумах движения *childfree* воспринимается и транслируется как привилегия развитой демократии и социума в целом. Причем помимо вышеуказанной привилегии представители сознательно бездетных семей противопоставляют себя семьям с сознательно большим количеством детей.

Обобщая весь полученный опыт, можно дать определение понятию «институт родительства». Институт родительства – это система формальных и неформальных правил и моделей поведения, которые нормативно регулируют взаимодействия родителей на основе гендерной и статусно-ролевой дифференциации, ключевым образом функционально завязанная на социализации подрастающего поколения.

Современные тенденции института родительства, описанные автором, объективным образом взаимообусловлены с рядом проблем. С точки зрения государственной демографической политики Российской Федерации, традиционные семейные ценности являются надежным базисом институтов семьи, брака и родительства. Настоящей национальной проблемой становится в сравнении с другими развитыми странами достаточно высокие показатели: количество разводов, отказа от детей, бегство детей из дома, случаев жестокого обращения с детьми вплоть до ограничения/лишения родительских прав, детская смертность по причине безответственного отношения родителей, причем некоторые из этих показателей растут. Также важным показателем кризиса института родительства, по мнению Т. А. Гурко, является резкое сокращение количества заключенных браков и прогрессивный рост количества рожденных внебрачных детей [3]. По данным Федеральной службы государственной статистики, с 2015–2018 гг. количество заключенных браков сократилось на 23,08 % [10], что явно подтверждает мнение Т. А. Гурко. Наряду с прямыми проблемами современные родители испытывают сопутствующие проблемы, такие как отсутствие жилья, финансово-материальные проблемы, алкоголизм. Однако же внимание со стороны государственных и муниципальных органов социальной поддержки, развития отцовства и материнства актуализируется именно на социально незащищенных объектах институтов семьи и родительства (матерей-одиночек, военнослужащих с детьми, семей с уклоняющимся от алиментов родителем, семей с детьми-инвалидами и др.). Данная выборочная поддержка приводит к снятию фокуса интереса с института родительства и отсутствию достаточной поддержки его в целом.

Важной проблемой, по мнению автора, является гендерный конфликт, происходящий из-за резкого снижения роли отца не только в поддержании материально-экономической основы семьи, но и в воспитании детей. Современные отцы в России, которые не смогли вовремя адаптироваться, находятся вне функциональной системы института родительства. А традиционное представление о мужчине со стороны органов власти приводит к усилению отчуждения отцов от процессов воспитания и социализации будущего ребенка. Данное отчуждение может привести либо к уходу мужчины из семьи, либо к серьезным психологическим проблемам на фоне нереализованных потребностей.

Современный институт родительства России является крайне противоречивым, ведь, с одной стороны, тенденции развития являются объективным этапом развития фундаментальных социальных институтов, но, с другой стороны, сопутствующие проблемы конфликтуют с традиционной социокультурной матрицей страны. Данный дуализм

проявляется во всех протекающих процессах в современном институте, например, выраженный эгоцентризм современной молодежи России одновременно приводит к таким полярным явлениям, как: отложенное рождение детей ввиду рационализации сферы планирования детей и рождение детей несовершеннолетними матерями ввиду безответственного подхода к собственной жизни. Дуализм института родительства так же имеет четкую территориальную дифференциацию, например, институт родительства в сельской местности и городах, удаленных от регионального центра, является в основном патриархальным, а в крупных городах – равноправным или в отдельных случаях матриархальным.

Исследователи XX века пытались предсказать развитие институтов семьи, брака и родительства, описывая совершенно разные варианты, однако, уже на сегодняшний день становится очевидно, что классическое представление о семье, основанной на «вечной любви» и браке «на всю жизнь», с большим количеством детей не являются приоритетными для всего населения. Осознанное родительство стало индивидуальным выбором, как мужчины, так и женщины, определяющийся не только личностными предпочтениями, но и принадлежностью к разного рода социальным группам, дифференцирующихся по профессиональному, религиозному, национальному и другим признакам.

Литература

1. Беляева М. А. Трансляция репродуктивной культуры в современном российском обществе // Педагогическое образование в России. 2014. № 4. С. 97–104.
2. Богачёва Н. В. Родительство как фактор устойчивости семьи в современном российском обществе : автореф. канд. социол. наук. Казань, 2005. 245 с.
3. Волков А. Г. Семья – объект демографии. М. : Мысль, 1986. 271 с.
4. Добровольская А. В. Патронатное воспитание – новая возможность решения проблемы социального сиротства // Актуальные проблемы семей в России / ред. Т. А. Гурко. М. : Ин-т социологии РАН. 2006. С. 92–102.
5. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с фр., сост., послесл. и прим. А. Б. Гофмана. М. : Канон, 1995. 352 с.
6. Кон И. С. Социологическая психология. М. : МОДЭК, 1999. 560 с.
7. Кон И. С. Отцовство как социокультурный институт // Педагогика. 2005. № 9. С. 3–16.
8. Парсонс Т. Система современных обществ. М. : Аспект Пресс, 1998. 270 с.
9. Российский статистический ежегодник. 2016 : стат. сб. / Росстат. М., 2016. 725 с.
10. Браки // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://www.gks.ru/storage/mediabank/demo31.xls> (дата обращения: 29.03.2021)
11. Структура семейных ячеек по числу детей моложе 18 лет // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://www.gks.ru/storage/mediabank/7-18.xlsx> (дата обращения: 29.03.2021)

Пандемия как фактор дезинтеграции российского общества: теоретический и эмпирический аспекты

Аннотация. Исследование посвящено проблеме дезинтеграции социальной структуры под влиянием пандемических условий. Рассмотрены классические и современные социологические труды, а также проведен эмпирический анализ первичных и вторичных данных социологических исследований по схожим темам. Проведен анализ нормативно-правовых актов в отношении угроз, рисков, в том числе пандемических, влияющих на социум. Также в эмпирическом исследовании использован анализ специализированных сайтов. Сделан особый акцент на влиянии нестабильных условий на самую восприимчивую социально-демографическую группу населения страны – молодежь.

Ключевые слова: пандемия, коронавирус, консолидация, дезинтеграция, общество, солидаризация, атомизация, аномия.

A. A. Anokhina

Pandemic as a factor in the disintegration of Russian society: theoretical and empirical aspects

Abstract. The study is devoted to the problem of disintegration of social structures influenced by pandemic conditions. Considered classic and modern sociological works, as well as an empirical analysis of the primary and secondary data of sociological research on similar topics. The analysis of regulatory legal acts in relation to threats, risks, in including pandemic ones affecting society. Also in the empirical study, the analysis of specialized sites was used. Special emphasis is placed on the influence of unstable conditions on the most susceptible socio-demographic group of the country's population – the youth.

Keywords: pandemic, coronavirus, consolidation, disintegration, society, solidarity, atomization, anomic.

Постановка проблемы

На сегодняшний день актуальна проблема разобщения общества ввиду принятых мер по самоизоляции и социальной дистанции индивидов, следовательно, возникает исследовательский вопрос: действительно ли современное российское общество подлежит разобщению или под влиянием внешней угрозы индивиды имеют тенденцию к сплочению между собой? Из заявленной проблемы вытекает противоречивость тенденций. По данным сайта стопкоронавирус. рф [22], по состоянию на 21 февраля 2021 г., 11:00 зафиксировано 12 743 случая

заражения вирусом COVID-19 на территории Российской Федерации, 417 из которых (3,2 %) оказались смертельными, что является показателем негативной тенденции. Ежедневно статистика неуклонно растет. Такая динамика заболеваемости и смертности отражается на социуме в виде паники, а следовательно, спланирования людей в толпу, из чего вытекает первая тенденция заявленного исследовательского вопроса – общество спланивается, но в негативном аспекте, так как толпа несет за собой разрушительную силу [5]. Однако также в связи с принятыми по всей стране мерами по предотвращению распространения пандемии такими, как самоизоляция и карантин, в структуру общества внесен разобщающий компонент – люди начинают предпочитать виртуальное общение живому. По данным Digital 2021: Global overview report [25] на 27 января 2021 г., число пользователей сети Интернет за год выросло на 7,3 %, а число пользователей социальных сетей – на 13 %. При этом жители России используют социальные сети примерно 2 с половиной часа в день, что близко к среднемировому значению, а в Интернете россияне проводят еще больше времени в сравнении со средним значением по всему миру – почти 8 часов. На данные показатели оказали существенное влияние факторы дистанционного обучения и удаленной работы, которые, по результатам исследований, рассмотренных в эмпирической части, вполне удовлетворяют значительную часть населения, что также отражает негативную тенденцию разобщения социума. В противовес негативным существует и позитивная тенденция – под влиянием общей внешней угрозы общество может консолидироваться для противостояния ей.

Целью заявленного исследования выступает определение одной из трех перечисленных противоречащих друг другу тенденций, которой будет придерживаться постпандемическое общество России. Для достижения заявленной цели необходима реализация следующих задач: 1. Рассмотрение теоретических трудов как классиков социологии, для более подробного изучения влияния критических условий на отдельных индивидов и все общество в целом, так и более современных работ, написанных в период распространения пандемии COVID-19 и других. 2. Изучение эмпирической базы социологии пандемии с использованием методов анализа нормативно-правовых актов, анализа сайтов и первичного и вторичного анализа социологических исследований. 3. Составление приближенной картины, отражающей исследовательский вопрос.

Теоретический анализ

Современное общество можно определить как аномическое. Данное состояние усилилось за прошедший год в связи с пандемией и последующими за ней кризисами, трансформациями социальных структур и изменениями поведенческих практик населения. Первая социологическая теория аномии разработана Эмилем Дюркгеймом. Впервые данное понятие употреблено социологом в его работе «О разделении общественного труда», написанной в 1893 г. [3]. В данном труде автор описывает аномию как «условие одной из аномальных форм разделения труда, которое представляет собой отсутствие интеграции или взаимоприспособляемости функций, причиной чего выступают индустриальные кризисы, противоречия между трудом и капиталом и усиливающейся специализацией труда» [3, с. 35]. Иными словами, аномия – это явление, возникающее, когда разделение общественного труда не способно должным образом регулировать социальные отношения между его участниками.

Э. Дюркгейм трактует аномию через историко-эволюционную концепцию, основанную на противостоянии традиционного и индустриального обществ [3, с. 68]. По мнению социолога, явление аномии возникает в момент перехода от одного типа общества к другому, так как отношения, свойственные укладу нового общественного строя, пока еще не могут подлежать регулированию. Одной из ключевых идей социологии Эмиля Дюркгейма является социальная солидарность. В своей работе «О разделении общественного труда» Э. Дюркгейм пишет о двух видах социальной солидарности: механической и органической. Механическая солидарность характерна для традиционного общества и соответствует неразвитому разделению труда, слабой сплочённости групповых и индивидуальных связей и полным доминированием общества над индивидом. При органической солидарности разделение труда развито, индивид занимает превосходящее по отношению к обществу положение, а связи между людьми достаточно сплочённые. Следовательно, аномия возникает при переходе от традиционного общества к современному, другими словами, от механической солидарности к органической.

По Э. Дюркгейму, одна из причин аномии – несоответствие между нормативной и институциональной сторонами социальной системы. Например, общепринятые в обществе цели не могут быть достигнуты в связи с неравноправным распределением благ среди отдельных индивидов.

Аномия характеризуется также недостатком коллективных сил, которые могут влиять на действия людей. Такие социальные отклонения преодолеваются путём достижения высокой сплочённости социальных групп, когда человек чувствует себя частью коллектива, не теряет ориентацию и смысл жизни, но и не поглощается полностью обществом. Также не должно быть существенного неравенства индивидов в их обеспеченности средствами для достижения целей, поставленных обществом.

В заключение, можно отметить, что первоначально социолог описывает аномию как «болезнь, которая поражает промышленное общество при отсутствии коллективных установлений, которые необходимы для нормального функционирования социальных структур» [3, с. 21]. Аномия возникает тогда, когда происходит неполный переход от механической солидарности к органической: разделение труда на этом этапе неспособно правильно регулировать социальные отношения. Она характерна для перехода от традиционного общества к индустриальному, когда новые социальные отношения пока еще не могут поддаться регулированию.

Позже Э. Дюркгейм развивает понятие аномии в своей концепции самоубийств. Человек, по его мнению, может быть счастливым лишь тогда, когда удовлетворены его потребности, в ином случае ему становится трудно жить. Другая причина аномии усматривается в неравноправном распределении благ между индивидами. В целом аномия характеризуется Э. Дюркгеймом как ценностно-нормативный вакуум в переходные и кризисные периоды развития общества, когда старые нормы и ценности перестают действовать, а новые ещё не установились: «Прежние боги стареют или умирают, а новые не родились».

Итак, Дюркгейм понимает под аномией отсутствие чётких правил и норм, возникающее в период развития общества, когда прежняя ценностная система разрушается, а новая еще не успевает появиться. Следствием аномии становится неустойчивость поведения индивидов, девиации, психологическая запутанность людей. В подобной ситуации они не понимают, как правильно поступать, а общество оказывается неспособным должным образом оказывать положительное влияние на индивидов.

В своей теории Дюркгейм рассматривает аномию через призму своих временных границ, когда обществу были свойственны неожиданные экономические скачки и спады, кризисы, революционные перевороты. Это понятие носит у него негативно окрашенную смысловую нагрузку, так как, по Э. Дюркгейму, аномия влечёт за собой не просто

деорганизацию всего общества в целом, но и возможное разрушение жизней каждого его члена.

Российское государство находится в данном состоянии с момента распада СССР по сегодняшний день. Роберт Мертон рассматривает феномен аномии через призму теории структурного функционализма. Социолог считает необходимым понять, каким образом социальная структура побуждает некоторых членов общества к девиантному поведению, вызывая несоответствие с нормами. В данной концепции он выделяет два важных элемента социальной структуры: культурные цели, намерения, интересы и выбор приемлемых способов достижения этих целей, которые ограничиваются институционализированными нормами [6].

Под аномией Р. Мертон понимает полнейшее расхождение между декларируемыми обществом целями (стремление к власти, богатству, успеху как установки и мотивы личности) и социально-структурными путями, или иначе средствами, их достижения. Социолог считает, что именно разбалансированность между культурными целями и средствами их достижения приводит к явлению «безнормия». Роберт Мертон отмечает, что аномия также возникает как следствие деформированного состояния социальной структуры и побуждает членов общества к девиантному поведению. В теории аномии Р. Мертона возникают две зависимые друг от друга переменные: существующие цели, определяемые культурой, и законные средства достижения этих целей, которыми социальные институты должны обеспечивать индивидов.

Важную роль в формировании аномического состояния в обществе играет социально-психологический аспект достижения поставленных целей. Роберт Мертон утверждает, что распространенность аморального поведения в обществе связана с дифференциацией людей в зависимости от этнической, расовой принадлежности, занимаемого социального статуса, принадлежности определенному социальному классу. Обостряется проблема неравенства людей в обеспечении необходимыми средствами для достижения конкретных целей, что также выделял Э. Дюркгейм. Р. Мертон предлагает классификацию возможных приспособлений людей к целям общества и средствам достижения этих целей. Социолог считает, что индивиды по-разному реагируют на невозможность достижения поставленных обществом целей ввиду ограниченности ресурсов. Типологию приспособлений к культурным целям и институционализированным средствам социолог соотносит с классификацией индивидов. Всего выделяется пять типов адаптаций: конформизм, инновационный способ адаптации, ритуализм, ретритизм и мятеж (бунт). Все перечисленные типы адаптации являются спонтан-

ными реакциями, так как не выбираются индивидами осознанно, происходят вследствие существующих социальных напряжений и не противопоставляются друг другу.

По мнению Роберта Мертон, самым распространенным видом социального приспособления к характерным для данного общества целям и средствам их достижения, является конформизм. Социолог отмечает, что конформизм противоположен девиантному поведению. Р. Мертон считает, что именно при преобладании этого типа реакции индивидов возможно существование общества как социальной структуры. Все остальные виды адаптации могут рассматриваться как девиантные формы поведения. Под конформизмом социолог понимает нормальное, обычное поведение индивида, когда он полностью принимает социальные цели общества и способы их достижения. При этом типе приспособления нет противоречия между целями и средствами их достижения. Члены общества спокойно принимают заданные культурой цели и стремятся их осуществить с помощью возможных и имеющихся средствами. К конформистам относят лояльных, спокойных, законопослушных граждан. Данный тип поведения основан на зависимости индивида от господствующих в обществе норм, правил, принципов и стереотипов. Р. Мертон считает, что без преобладания конформистского типа поведения невозможно стабильное существование общества, предполагающее социальный порядок и тенденцию к прогрессивному развитию. Чем больше в социальной системе распространен конформизм, тем устойчивее становится общественный порядок.

Инновационность как вид адаптации предполагает согласие индивидов с общественно одобряемыми целями, но не средствами их достижения. Принятию существующих путей достижения целей люди предпочитают поиск новых средств. Инновационный тип поведения личности может быть охарактеризован как с позитивной точки зрения, присущей отечественной социологии, так и с негативной стороны, которая рассматривается в западных теориях и типологиях отклоняющегося поведения. Такому типу адаптации соответствует поведение воров, фальшивомонетчиков и прочих людей, занимающихся обманом. Таким образом, инновационному способу социального приспособления свойственно достижение поставленной цели с использованием противозаконных средств. Чаще всего это происходит, если в качестве цели выступает достижение успеха. «Подобное приспособление, – отмечает Роберт Мертон, – встречается в том случае, когда индивид воспринял определяемый культурой акцент на цели достижения успеха, без того, чтобы равномерно усвоить предписываемые моралью нормы, которые руководят выбором средств достижения этого успеха» [6, с. 305] .

Следующий способ приспособления индивидов к общественно заданным целям и средствам их достижения – ритуализм. При данном типе поведения социальные цели не осмысливаются, но способы их достижения являются священными, неизменяемыми и непоколебимыми. Такому типу приспособления соответствует поведение людей, занимающихся различного рода махинациями, подлогами и др. Индивиды, придерживающиеся данного типа поведения, могут отказываться от некоторых целей, при этом принимая общественно одобряемые институциональные средства их достижения. Чаще всего в качестве общественно значимой цели выступает стремление к успеху, что ритуалисты считают невыполнимым, однако они продолжают придерживаться институционально заданных норм и требований. Поведение ритуалистов нельзя рассматривать в обществе исключительно в качестве девиантного.

Ретритизм (от англ. *retreat* – бегство) является полной противоположностью конформизма и как форма адаптации индивидов встречается в обществе гораздо реже и уже является поведением, близким к девиантному. Ретритизм подразумевает под собой два отказа – отрицание общественно одобряемых целей и одновременно отказ от любых средств их достижения. Данный тип поведения выражается в уходе или бегстве от реальности. К нему относят бомжей, наркоманов, алкоголиков, бродяг, душевнобольных и т. д. Такие люди считаются маргиналами, они создают собственную замкнутую субкультуру, их поведение отличается пассивностью и открытой направленностью против общества. В свою очередь, общество так же не принимает ретритизм, вследствие чего государство находится в постоянной борьбе с ним. Ретритистов отрицают и презируют за их отказ от стремления к успеху в качестве главной общественно принятой цели жизни и отрицание всех институционализированных средств, с помощью которых этой цели можно достичь. Группы ретритистов отказываются от взаимодействия с обществом и самоизолируют себя от него, в связи с чем становятся «изгоями» или «чужаками» по отношению ко всей общественной системе.

Причиной такого поведения может служить внутренний конфликт индивида, когда происходит институционализированное принуждение к достижению поставленных конкретных целей и в то же время запрет на использование незаконных, не соответствующих существующим нормам средств и способов достижения этих целей. Подобная ситуация становится сложной для члена общества, так как он не располагает иными путями, по которым можно было бы пойти для достижения общественно и культурно заданной цели. В связи с этим индивид

либо преступает закон, либо решает сбежать от реальности. Он отказывается и от общественно значимой цели, и вместе с тем от социально принятых средств ее достижения. Поведение человека становится аморальным и маргинальным, и он изолирует себя от всей общественной системы. Помочь индивидам может полный отказ всего общества от поставленных целей и средств как причин внутренних конфликтов индивидов. В таком случае у людей не будет поводов для бегства от реальности жизни и изоляции от общества.

Другой способ приспособления, мятеж, так же следует относить к девиантному поведению. Мятеж, или бунт, подразумевает полный отказ от целей и средств их достижения с одновременной заменой их новыми. Такому типу адаптации присущи политический терроризм, радикализм, революционность. В отличие от ретритизма, в котором господствующие цели и средства так же отрицаются, мятеж характеризуется как внутренней, так и внешней активностью его субъектов. Индивиды, поведение которых относится к данному типу адаптаций, готовы способствовать коренным переворотам в устройстве общества, радикальным изменениям в социальной системе различными путями, в том числе прибегая к социальной революции. Мятеж возникает тогда, когда общество исчерпало себя в определенных аспектах и не может ни поставить перед индивидами четкой цели, которую необходимо достичь, ни обеспечить своих членов нужными средствами. В связи с этим люди стремятся организовать новый социальный порядок, отрекаясь от старого. Мятеж является самым радикальным способом социальной адаптации.

Роберт Мертон пишет о том, что количество индивидов с асоциальным поведением ощутимо возрастает, когда в обществе превыше всего ставятся определенные символы успеха, которые считаются общими для всего общества в целом, однако далеко не всех это устраивает. К тому же, социальная структура данного общества ограничивает доступ для достижения таких символов, а именно успеха, то есть не обеспечивает значительную часть населения необходимыми для приближения к цели средствами. В связи со своими социально-психологическими особенностями люди начинают различным образом приспособливаться к такому расхождению между двумя ключевыми элементами социальной структуры, в том числе прибегая к маргинальности, мятежу, революции, изоляции от общества и т. д.

Теория Р. Мертона применима к современному этапу развития общества. Все типы приспособления индивидов к нестабильным условиям широко распространены. Особенно актуальной на сегодняшний день и самой опасной категорией как для социальной структуры, так и

для себя самих являются ретритизм как бегство от реальности и отрицание социально-значимых целей и общественно одобряемых средств их достижения. Индивиды-ретритисты в критических ситуациях могут прибегать к употреблению наркотических веществ, чрезмерному употреблению алкоголя, маргинальному поведению и т. д., что губит их самих, тем самым разрушая социальную структуру. По отношению ко всей общественной системе их считают чужаками и изгоями, что вредит консолидации общества. Также особую популярность сейчас приобрёл самый радикальный способ социальной адаптации – мятеж, который проявляется на примере многочисленных митингов и несет в себе большую разрозненность и противостояние между индивидами разных типов адаптаций.

Как написал Джереми Шапиро, «эпидемия сплачивает – пандемия разобщает» [26]. По П. А. Сорокину, эпидемия (к чему мы относим и пандемию) является одним из четырех монстров и является постоянным спутником остальных трех (голода, войны и революции). Ученый писал, что страх смерти и страдание, которые испытывает человек, включает его из социальной системы, ограничивая его социальную жизнь [10]. Однако эпидемии и пандемии, как и другие критические условия, влекут за собой не только негативные последствия. По П. А. Сорокину, бедствия также служат некой проверкой морально-нравственных качеств каждого человека. Современный российский социолог В. С. Вахштайн выделяет 3 стандартных типа реакции общества на пандемию: солидаризация, поляризация и атомизация [2]. Противоречивое состояние нашего общества на сегодняшний день в постпандемическом состоянии может оказаться приверженным любой из трех предложенных реакций, но из аномического оно выйдет только в случае последующей солидаризации. Для сплочения общества Питер Бэр выделил 7 условий [9]. Часть из них – изоляция, продолжительность испытания, влияние общей угрозы – действительно активно действуют на настоящий момент и в некоторой степени способствуют консолидации индивидов. Однако существует недостаточность других условий – моральной плотности, ресурсов, социальных ритуалов и осей конвергенции, что склоняет чашу весов в сторону негативной тенденции разобщения социума. Как писал А. Камю в своем романе «Чума», «. . . в обострившемся до пределов одиночестве никто не мог рассчитывать на помощь соседа и вынужден был оставаться наедине со всеми своими заботами» [4].

Рассмотренные классические и современные теории подтверждают противоречивость тенденций заявленной проблемы, в свете чего необходимо провести исследование.

Эмпирический анализ

Эмпирический анализ проблемы начнем с анализа нормативно-правовых актов международного, федерального и регионального уровня. Вспышка пандемии нового вируса COVID-19 повлекла за собой сильнейшие негативные последствия не только в стране, но и по всему миру. В целях предотвращения заражения населения опасным вирусом, были разработаны и приняты меры по безопасности [11]. На международном уровне этой деятельностью занимается Всемирная организация здравоохранения. Предпринятые меры, в свою очередь, глобально изменили поведенческие практики и социальные связи не только молодежи, но и всего общества в целом. Вспышка COVID-19 была признана Генеральным директором ВОЗ критической обстановкой во всем мире. В это время было издано определенное число рекомендаций по любым вопросам, связанным со сложившейся ситуацией.

В данном документе прописаны характеристики регионов, которые принято считать пострадавшими, рекомендации по международным передвижениям и рекомендации для международных путешественников, которые в корне меняют поведенческие практики людей, склонных к перемене мест. При этом ВОЗ рекомендует не полностью ограничивать передвижения, считая это нецелесообразным, но настоятельно предлагает другие рекомендации: использовать путешественникам средства индивидуальной защиты, выдерживать после переездов 14-дневный карантин, воздержаться от переездов в случае и болезни и т. д.

Также в этом документе содержится перечень рекомендаций, предназначенных для всех стран. В этих инструкциях прописывается значимость предотвращения распространения заболеваний определенного вида, а именно введение ограничительных мер, оказание своевременного лечения нуждающимся, а также ведение статистики и своевременная передача необходимых данных в ВОЗ.

Летом 2009 года, в разгар мирового экономического кризиса Генеральной Ассамблеей была проведена Конференция по вопросу о мировом финансово-экономическом кризисе и его последствиях для развития. Результатом данной конференции стал Итоговый документ, в котором было прописано, что представители власти четко осознают всю остроту проблемы, которая затронула каждую страну [16]. Они понимают всю сложность данной ситуации и дают определенную оценку сложившимся обстоятельствам, сравнивая их с временами 1930-ых годов. Главы государств выражают свое волнение за ситуа-

цию в целом и ставят своей задачей всеми возможными способами улучшить обстановку в мире.

В данном документе обоснованы и выдвинуты последствия кризиса по степени тяжести, но ни одно из них не включает в себя разобщение общества, изменение поведенческих практик людей с рациональных на девиантные и ухудшение социального самочувствия всего населения в целом, что подтверждено результатами исследований и статистическими данными. Причины финансово-экономического кризиса довольно разноплановы. Многие из них связаны с некоторыми ослаблениями и появившимися из-за них брешами во всем устройстве. В области регулирования и контроля над всей финансовой сферой были выявлены существенные недочеты, которые и послужили толчком реализации многочисленных сомнительных операций различного вида. На данном же этапе экономический кризис был вызван другими факторами, а именно эпидемиологическими и мерами по предотвращению распространения пандемии, однако данное явление не отражено в документе вовсе.

Также прописаны пункты по решительным необходимым действиям, повышению степени устойчивости в будущем и реализации всех необходимых мер. В последнем пункте прописано, что ООН признает тот факт, последствия не только экономические, но и социальные и что их довольно трудно регулировать. К сожалению, столкнувшись с нестабильной экономической ситуацией, Россия оказалась к ней не готова, несмотря на прописанный более 10 лет назад документ. Усиленных мер по поддержке лиц, пострадавших от кризиса в 2020 году, замечено не было.

2 ноября 2020 года Правительством РФ был подготовлен План преодоления экономических последствий новой коронавирусной инфекции, так как введенные по предотвращению распространения вируса меры на примере всеобщего карантина, повлекли за собой глобальный экономический кризис и нестабильную макроэкономическую ситуацию в стране. Отметим, что, согласно данному документу, образование не вошло в список наиболее пострадавших отраслей, с чем мы категорически не согласны – дистанционное образование неудовлетворительно сказывается на учебном процессе, влечет за собой убытки со стороны лиц, обучающихся по коммерческим договорам, и не позволяет усваивать никакие виды навыков в должной степени как студентам, так и школьникам. Большой упор сделан на поддержку бизнеса и различных сфер предпринимательства, однако также рассматриваются меры поддержки доходов населения. Под все данные меры автоматически попадают и представители молодежи, однако в настоящий мо-

мент требуется усиление с опорой именно на молодежную социально-демографическую группу [12].

Постановление Главного государственного врача РФ [13] является одним из ключевых, регламентирующих на сегодняшний день изменение поведенческих практик и социальных связей всего населения. В нем введен новый вид воспитания – гигиеническое воспитание населения. Гигиеническое воспитание населения как метод профилактики COVID-19 включает информирование населения о вирусе, его симптомах и мерах профилактики, включая правила ношения масок как индивидуальных средств защиты в общественных местах и соблюдение социальной дистанции. Также возникает сочетание «эпидемиологическая тактика». Эпидемиологическая тактика при COVID-19 включает перечень мер при возрастании степени пандемического распространения, включая изоляцию больных, их выявление и госпитализацию, защиту индивидов и их самоизоляцию. Все перечисленные меры направлены не только на безопасность населения, но и на его разобщение, о чем напрямую говорится в одном из пунктов – разобщение лиц, подвергшихся риску заражения (при распространении инфекции – максимальное ограничение контактов). Данные практики нивелируют пандемическую обстановку в стране, но создают новую проблему – дезинтеграцию всего общества в целом.

Постановлением Главного государственного санитарного врача Российской Федерации № 35 от 13.11.2020 в представленное выше Постановление были изменены даты снятия противопандемических мер с 01.01.2021 на 01.01.2022, что является показателем постепенно ухудшающейся ситуации в стране [13].

В главе 3 Программы антикризисных мер Правительства Российской Федерации на 2009 год (с учетом мнений экспертов, граждан РФ, представителей партий, общественных и политических организаций) от 06.09.2009 прописаны меры по социальной защите населения и медицинской помощи, а также меры по поддержке занятости [15]. Правительство РФ, в соответствии с данным нормативно-правовым актом, определяет своей миссией выделить необходимое число материальных ресурсов на обеспечение населения лекарственными препаратами, а также повышение качества и доступности здравоохранения. Уже в 2009 году общество определялось как общество социальной напряженности. В этой связи увеличивается пособие по безработице, брошены все силы на нивелирование проблемной ситуации на рынке труда.

Важно отметить, что также рассматривается тяжелое состояние студентов, особенно обучающихся на платной основе или пользующихся образовательными кредитами. На том этапе разрабатывались

меры по поддержке студенчества, снижению процента по кредиту. Также рассматривается возможность перехода успешно обучающихся студентов-коммерсантов с платной формы обучения на бюджетную, количество бюджетных мест планируют увеличить. Важным пунктом для заявленной темы рассматривается трудоустройство выпускников образовательных организаций.

Мы имеем основания сделать вывод, что данные меры не реализуются на настоящий момент в должной степени. В случае с лекарственными препаратами и усилении медицинской помощи это прослеживается на неготовности системы здравоохранения к таким глобальным рискам, как пандемия. Также наблюдается, напротив, сокращение бюджетных мест в образовательных учреждениях высшего образования в субъектах РФ, помимо Центрального региона. В дистанционном формате обучения проблемы с возмещением затрат студентов, обучающихся на платной основе, никак не решаются.

В связи с эпидемиологической обстановкой в стране Президентом РФ были установлены некоторые меры, в том числе установление нерабочих дней с сохранением зарплаты, введение режима ЧС, особый порядок передвижения на территории РФ, а также меры по предохранению и защите своего здоровья, которые были прописаны рекомендациями ВОЗ и Главного санитарного врача. Данный документ также существенно изменил поведение населения в указанный период, вызвал всплеск социальной напряженности и, впоследствии, экономически нестабильную обстановку в стране в сочетании с эпидемиологически неблагоприятной ситуацией [18].

1 сентября 2020 г. в Федеральный закон об образовании была включена новая статья, существенно изменившая повседневную жизнь обучающихся и преподавателей в первую очередь – статья 16 «Реализация образовательных программ с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий» [19].

Под электронным обучением понимается образование с использованием электронных и дистанционных современных технологий и сети Интернет, посредством которых обучающиеся и преподаватели могут успешно контактировать и продолжать процесс обучения несмотря ни на что. Ключевой момент дистанционного обучения – это взаимодействие на расстоянии, из дома, не выезжая в саму образовательную организацию. Все технологии должны быть утверждены в соответствии с нормативными правовыми актами образовательных организаций. В любом случае система образовательных программ дистанционного обучения для доступа обучающихся к образованию должна быть четко продумана и обязательно предусмотрена в каждой организации. Суще-

ствует перечень направлений обучения и дисциплин, при которых дистанционное обучение может быть частичным в связи с необходимым использованием аппаратуры и других ресурсов, находящихся только в стенах университета. Данный перечень также регламентируется нормативно-правовыми актами.

Стоит отметить, что в законе не предусмотрено обучение новейшим технологиям преподавателей в особенности старших возрастов, которые оказались не готовы к такой неожиданной смене формата. Также данный режим обучения неприспособлен для детей начальных классов ввиду недостаточной подготовленности к современным ресурсам и по причине того, что с целью соблюдения санитарных норм нахождения ребенка за компьютером, время дистанционного урока значительно сокращается, в связи с чем нельзя усвоить и половины планируемого материала. По результатам пилотажного авторского исследования, в рамках дистанционного образования обучающиеся также не могут усваивать никакие виды навыков. Никаких путей решения данных проблем в Федеральном законе не намечено.

1 апреля 2020 г. в Федеральный закон № 68-ФЗ [20] были внесены изменения – в статье 1 «Основные понятия» дополнили определение понятия «чрезвычайная ситуация» – это обстановка на определенной территории, сложившаяся в катастрофе, неблагоприятных природных условий, стихийных бедствий, угроз и рисков, включающих распространение заболевания, которого ранее в законе не было.

Целями закона являются предупреждение возникновения перечисленных выше угроз, а также снижение степени последствий и ущерба отдельных индивидов и всего населения от данных ситуаций. Основными задачами данного документа является создание норм по защите населения от угроз, реализация программ по предупреждению ЧС, информирование населения об условиях ЧС, разъяснение ситуации населению в целях нивелирования панических состояний, экстренное оповещение в чрезвычайных случаях, прогноз угроз, создание специальных резервированных ресурсов для использования их в чрезвычайных ситуациях, оценка последствий катастрофических ситуаций для страны и населения, экспертиза деятельности органов в области защиты населения от ЧС, социальная защита населения, сбор гуманитарной помощи, взаимодействие с другими странами по вопросам выхода из чрезвычайных ситуаций и взаимопомощи. Все задачи должны реализовываться с одновременной реализацией прав и свобод индивидов в неустойчивых условиях.

В данном нормативно-правовом акте, по нашему заключению, сделан малый упор на предотвращение распространения заболеваний и

мер по нивелированию пандемических и эпидемиологических условий, что обуславливает неподготовленность страны ни к одному из видов болезней.

В соответствии с приказом врио ректора ФГБОУ ВО «ИГУ» № 146 от 16.03.2020 [14] весь образовательный процесс в университете был переведен в дистанционный режим. Сейчас данная мера сохраняется с разрывом в реализации на небольшой период, когда распространение пандемии снизилось. Дисциплины, которые требуют дополнительного оборудования, будут перенесены на поздний срок обучения, когда пандемическая обстановка в регионе станет более стабильной. Все эти меры, как уже упоминалось выше, влекут за собой значительный ущерб, как минимум, в качестве передачи информации, усвоении базовых и профессиональных навыков, невозможности студентов, обучающихся на коммерческой основе, возместить часть своей платы за обучение, так как большую часть материала они усваивают самостоятельно. Преподаватели и студенты оказались не готовы к такому резкому переходу. По данным пилотажного исследования, в рамках выпускной квалификационной работы бакалавра многие представители молодежи испытывают дискомфорт при таком формате обучения. Ни в одном нормативно-правовом акте не представлены меры по нивелированию данных проблем, как и в рассмотренном приказе.

12 октября 2020 г. вышел Указ губернатора Иркутской области № 279-уг «О режиме функционирования повышенной готовности для территориальной подсистемы Иркутской области единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» [17]. Данный нормативно-правовой акт существенно изменил поведение всех жителей Иркутской области. Помимо дистанционного обучения, в обиход любого человека попадает медицинская маска, которая должна быть на нем во всех общественных местах, включая транспорт, в ином случае грозит существенный штраф. Запрещается проведение массовых мероприятий, что в корне меняет поведение социально активной молодежи и вызывает низкий уровень социального самочувствия ее представителей. Необходимо соблюдение социальной дистанции, измерение температуры на входе в любое помещение, включая торговые центры и т. д. Все эти факторы врываются в повседневную жизнь людей и, являясь негативными, разрушают социальные связи и дестабилизируют поведение людей, чему в особенности подвергается самая восприимчивая группа населения – молодежь.

Ни в одном нормативно-правовом акте за период 2020 года не затрагивается вопрос разобщения всего общества в целом, дестабилизации поведения людей и их социального самочувствия, не приводятся

меры по нивелированию данных проблем. В большинстве документов предпринимаемые меры расписаны в абстрактном, а не конкретном формате. Как и молодежная политика до 2020 года, не были реализованы меры по стабилизации общества во избежание негативных последствий экономического кризиса. В данных документах рассмотрена только экономическая сторона вопроса. Практически ни в одном из документов не прописано про психологическую поддержку и помощь, помимо материальной.

Рассмотрим, насколько данную проблему нивелирует официальный интернет-ресурс для информирования населения по вопросам коронавируса (COVID-19) стопкоронавирус.рф [22]. Сайт разработан и поддерживается АНО «Национальные приоритеты». Данный сайт предоставляет жителям России информацию о коронавирусе: актуальные данные, которые постоянно обновляются, симптомы коронавируса, пути передачи, шаги профилактики, мифы о вирусе, мировую статистику, новости, социальные меры Правительства, меры поддержки бизнеса, документы, памятки, ссылки, телефоны горячих линий, вакцинация, рубрику «Вопросы и ответы», что предпринять по категориям населения (каждому, работнику, учащемуся, предприятиям, работодателям, родителям, пожилым людям, волонтерам).

Во вкладке «Что предпринять – учащимся» представлена информация по организации учебного процесса в домашних условиях. В период распространения пандемии в целях сохранения здоровья обучающихся, преподавателей и сотрудников образовательные организации не работают, обучение переведено в дистанционный формат. На сайте указано, что дистанционное обучение – это возможность обучающихся проявить свою ответственность и усилить степень самообразования. По пунктам представлено, как правильно организовать свое домашнее обучение, причем с учетом свободного времени обучающегося и досуга. В конце написано: «Находите во всем положительные стороны, жизнь прекрасна и удивительна!» Представлены номера горячих линий по вопросам дистанционного обучения, а также онлайн-ресурсы для дистанционного обучения, допобразования, досуга: Российская электронная школа, Моя школа в online, курсы, направленные на формирование софт- и хард-скиллс. Всего на сайте представлено более 630 курсов, которыми обучающиеся могут заниматься в свободное время, развивая свой личностный потенциал.

Стоит отметить, что специализированный сайт стопкоронавирус.рф наиболее полным образом в условиях распространения пандемии направлен на регулирование поведения молодежи и социальных связей ее представителей. Сайт располагает большим объемом рекомендаций,

курсам по разным направлениям, которые, действительно, способствуют саморазвитию молодежи в условиях дистанционного обучения. Более того, редакторы сайта большое внимание уделяют и социальным связям молодых людей, указывая: «не забывайте общаться с друзьями и близкими, выделите для этого время», чего совершенно не хватает сайтам высших учебных заведений, как и полноценной картины о внеучебной деятельности студентов в университетах.

Рассмотрим проблему на примере вторичного анализа данных социологических исследований.

Паспорт исследования

Исследование: «Как пандемия разделила общество: реакции на стресс и оценки ситуации» [24].

Сроки проведения полевых работ: 15 мая 2020 г.

Число опрошенных: 1000 граждан РФ от 18 лет.

Место: Города РФ с населением более 100 000 чел.

Организация, проводившая полевые работы: Online Market Intelligence, Центр социального проектирования «Платформа».

Цель: определить основные группы людей, на которые общество разделила пандемия.

Метод сбора данных: онлайн опрос по квотной выборке по полу возрасту, Федеральному округу и размеру населенного пункта. Квоты задавались на основе данных ФОМ.

В соответствии с анализом результатов данного исследования, общество уже разделено на 5 гибких групп индивидов, частично соответствующих с классической типологией адаптаций Р. Мертон (рис. 1).

Так, индивиды совершенно разным образом реагируют на критические условия и противоречат в этом друг с другом. Стоит отметить, что их количество является примерно одинаковым (19 % солидарных, 22 % с более выраженным страхом за близких, 19 % с сильным эмоциональными переживаниями, 17 % тех, кто не верят и отрицают угрозу). Однако преобладающее количество имеет группа индивидов с типом адаптации, по Р. Мертону, близкой к ретритизму – 27 % индивидов не доверяют, не соблюдают правила безопасности, верят в конспирологические теории, то есть они отрицают цель как выздоровление общества и средства ее достижения как соблюдение мер по предотвращению распространения пандемии.

Рис. 1. Как общество переживает стресс

Также стоит отметить, что примерно треть опрошенных (32 %) считают, что после пандемии общество станет более разобщенным, и лишь 14 % – что общество сплотится, а люди станут больше заботиться друг о друге, что является показателем негативной тенденции. При том, что большинство, а именно 38 %, считают, что после пандемии ничего не изменится – на сегодняшний день нельзя отметить положительную динамику в солидаризации российского социума (см. рис. 2).

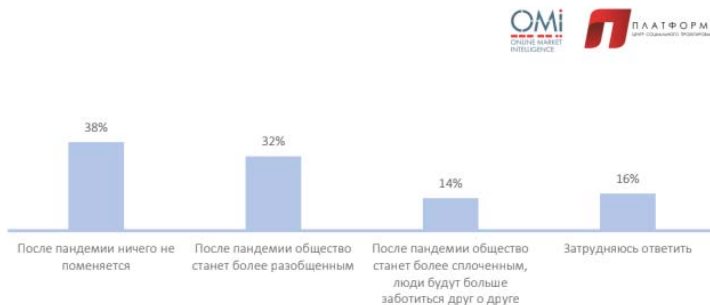

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, изменится ли российское общество после пандемии?»

Паспорт исследования

Исследование: «Взаимопомощь во время пандемии» [23].

Сроки проведения полевых работ: 24–26 апреля 2020 г.

Число опрошенных: 1000 граждан РФ от 18 лет.

Место: РФ.

Организация, проводившая полевые работы: ФОМ.

Цель: определить, склонны ли россияне друг другу помогать и стали ли больше помогать в период распространения пандемии.

Метод сбора данных: телефонный опрос.

По итогам анализа результатов данного исследования можно будет сделать приблизительный вывод о моральной плотности населения страны.

По результатам данного исследования, всего 34 % опрошенных оказывали помощь тем, кто оказался в трудной ситуации в связи с пандемии, при этом только 12 % стали больше оказывать помощь родственникам, друзьям, знакомым и 7 % – незнакомым (рис. 3). Данные результаты не позволяют судить о достаточной моральной плотности российского населения.

Также рассмотрим проблему в фокусе реакции на нее отдельных социальных категорий. Для примера обратим внимание на самую восприимчивую социально-демографическую группу населения – молодежь.

Паспорт исследования

Исследование: «Формирование тревог и страхов среди молодежи под влиянием пандемии и кризиса» [21].

Сроки проведения полевых работ: 16 марта – 19 июня 2020 г.

Число опрошенных: 1600 россиян от 18 до 34 лет.

Место: РФ.

Организация, проводившая полевые работы: ВЦИОМ-Спутник.

Цель: выявить, степень влияния «коронакризиса» на поведение молодёжи и формирование страхов и тревог ее представителей.

Метод сбора данных: формализованное телефонное интервью.

По результатам исследования, 85 % опрошенных молодых респондентов поддерживают введение режима самоизоляции и ограничений на выход из дома только для людей старше 65 лет, 73 % – перевод школ и вузов на дистанционное обучение, 84 % – перевод большинства сотрудников на удаленные режим работы, 64 % – введение

периода нерабочих дней. При этом только половина респондентов 49 %) поддерживают самоизоляцию для большинства населения (рис. 4).

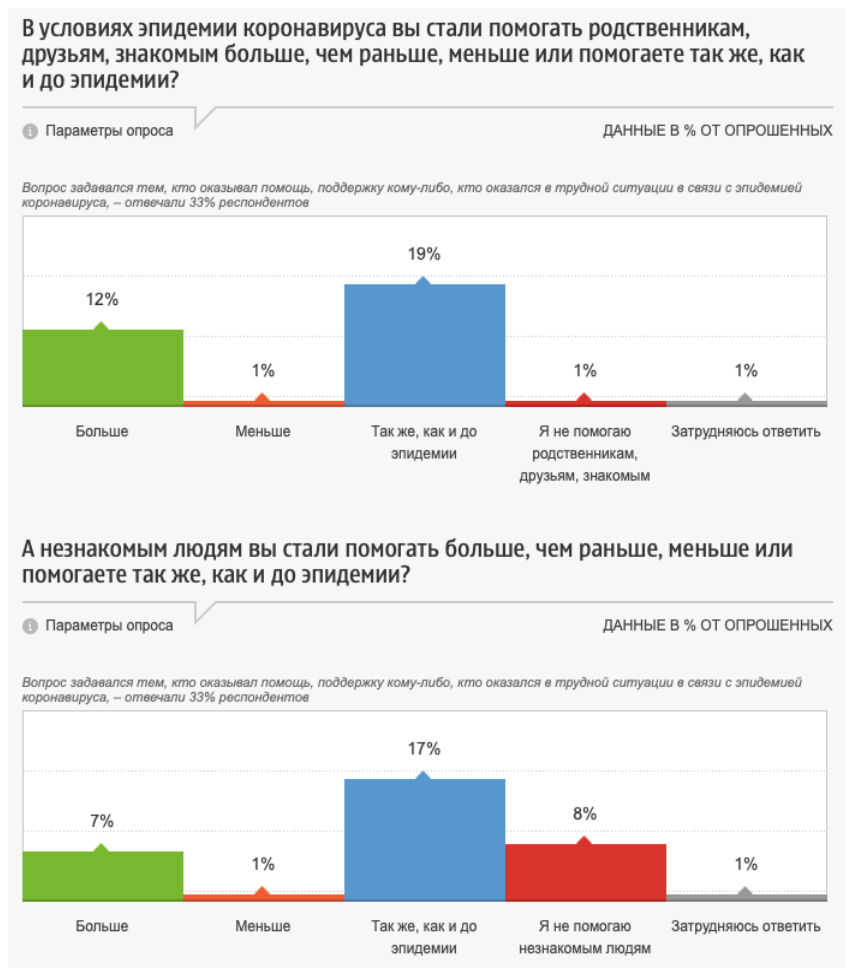

Рис. 3. Распределения ответов на вопросы «В условиях пандемии коронавируса вы стали помогать родственникам, друзьям, знакомым/незнакомым больше, чем раньше меньше или помогаете так же, как и до пандемии?»

Молодежь чаще «за» онлайн-обучение и удаленный формат работы

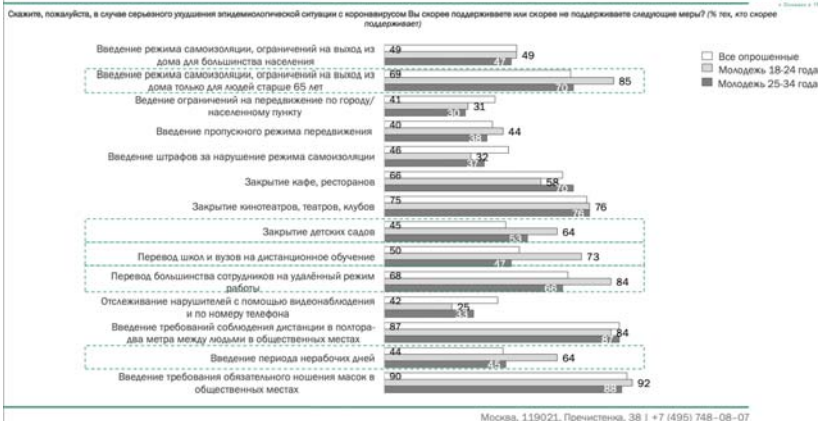

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «Скажите, пожалуйста, в случае серьезного ухудшения ситуации с коронавирусом Вы скорее поддерживаете или не поддерживаете следующие меры? (% тех, кто поддерживает)»

Такая тенденция также противоречит показателям высокой тревожности среди молодежи на данный момент: данная социально-демографическая группа наиболее остро воспринимает ситуацию в мире, однако, как показали результаты исследования, ее представители не готовы полноценно выполнять меры по предотвращению распространения пандемической инфекции. Данное исследование подтверждает противоречивость населения страны в своем поведении. Подтверждается и гипотеза пилотажного авторского исследования «Социальное самочувствие и поведение молодежи в условиях современных макро- и микроугроз в России»¹ [1], по результатам которого, представители молодежи ввиду удобства дистанционного обучения согласны остаться в его условиях и при улучшении эпидемиологической ситуации и также соблюдают самоизоляцию и прочие меры по предотвращению коронавируса лишь частично, также предпочитают виртуальное общение реальному (табл.).

¹ Авторское пилотажное социологическое исследование было проведено на территории Иркутской области среди ее жителей в возрасте от 18 до 40 лет методом онлайн опроса по стихийной выборке в период с 26 октября по 1 ноября 202 г. Был опрошен 151 респондент. Ошибка выборки составила 8 %.

Таблица

Распределение ответов на вопрос «Какие из средств коммуникации респонденты предпочитают в настоящее время?», в %

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля ответов, в %	Доля чел., в %
1	«Переписки» в социальных сетях, мессенджерах	93	36,2	61,6
2	Личное общение	57	22,2	37,7
3	Телефонные разговоры	49	19,1	32,5
4	Ресурсы видеосвязи (Zoom, Skype и др.)	24	9,3	15,9
5	Все вышеперечисленное	28	10,9	18,5
6	Никакие	5	1,9	3,3
7	Другое (а именно, «анонимные форумы»)	1	0,4	0,7
	Всего	257	100,0	170,2

По результатам исследования, 36,2 % опрошенных в настоящее время предпочитают виртуальное общение исключая телефонные разговоры и ресурсы видеосвязи (т. е. исключая зрительный и голосовой контакт) реальному (вариант «личное общение» в данном вопросе выбрали лишь 22,2 % респондентов). При таком преобладающем количестве людей, предпочитающих виртуальное общение, общество действительно может подлежать распаду на «атомы», или атомизации.

Вопреки тому, что существуют такие факторы, указывающие на должную солидаризацию общества, как многочисленные волонтерские программы, привлекающие в том числе и молодежь, и трансформация ценностей в пользу преобладания сотрудничества над конкуренцией и коллективизма над индивидуализмом [7, с. 581–582], на данном этапе не наблюдается достаточный уровень социальной консолидации российского общества. Тем не менее множество исследователей сегодняшнего дня высказывают абсолютно разные предположения о том, каким будет постпандемическое будущее: «Какой будет эта «обновленная» жизнь? Да, и будет ли она обновленной?» [8, с. 263].

Заключение

Таким образом, в выборе противоречащих друг другу тенденций, по результатам теоретического анализа социологических работ классиков и современников и эмпирического анализа данных различных социологических исследований по социологии пандемии, мы склонны опираться на наиболее негативную гипотезу – дезинтеграцию социальной структуры в связи с недостаточностью факторов ее консолидации. Общество под влиянием критических, аномических условий разобщалось и делилось на отдельные категории индивидов еще в прошлом

веке, что также прослеживается и сейчас. Мысли ученых по поводу состояния общества после пандемии неоднозначны, многие склонны считать, что ничего не изменится. Однако на сегодняшний день уже прослеживается не самая положительная тенденция, проявляющаяся в недостаточном взаимодействии индивидов друг с другом за последний год, усиленным переходом на виртуальное общение, что уже давно прослеживалось как следствие цифровизации, но усилилось под влиянием пандемии, а также недостаточном уровне взаимопомощи, моральной плотности и осознания внешней угрозы. Разрозненное общество грозит неустойчивой системой ценностей, что приведет к затухающему аномическому состоянию. Соответственно, данная проблема вытекает как вторичная «болезнь» наряду с активным распространением вируса.

Литература

1. Анохина А. А. Социальное самочувствие и поведение молодежи в условиях современных макро- и микроугроз в России // Пространства социальной напряженности и стратегические консенсусные взаимодействия в XXI веке : сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 350–359. <https://doi.org/10.26516/978-5-9624-1882-7.2020.1-537>.
2. Вахштайн В. С. Пандемия, страх, солидарность // Россия в глобальной политике. 2020. № 3. С. 1–7.
3. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / пер. с фр. А. Б. Гофмана. М. : Канон, 1996. 576 с.
4. Камю А. Чума / пер. с фр. Н. Жарковой. М. : АСТ, 2018. 382 с.
5. Лебон Г. Психология народов и масс: Психология толп : пер. с фр. М. : АСТ, 2016. 320 с.
6. Мертон Р. Социальная структура и аномия : пер. с фр. // Социология преступности (Современные буржуазные теории). М. : Прогресс, 1966. С. 299–313.
7. Общество и пандемия: опыт и уроки борьбы с COVID-19 в России. М. : 2020. 744 с.
8. Социология пандемии. Проект коронаФОМ / рук. авт. коллектива А. А. Ослон. М. : Ин-т фонда «Общественное мнение» (инФОМ), 2021. 319 с.
9. Baehr P. Social extremity, communities of fate, and the sociology of SARS // European Journal of Sociology. 2005. Vol. 46, N 2.
10. Sorokin P. A. Man and Society in Calamity; the Effects of War, Revolution, Famine, Pestilence Upon Human Mind, Behavior, Social Organization and Cultural Life. N. Y., 1943. 352 p.
11. Обновленные рекомендации ВОЗ в отношении международного трафика в связи со вспышкой COVID-19 от 29.02.2020 // Высшая школа организации и управления здравоохранением. URL: https://www.vshouz.ru/upload/iblock/835/29.02.2020-Obnovlennye-rekomendatsii-VOZ-v-otnoshenii-mezhdunarodnogo-trafika-v-svyazi-so-vspyshkoy-COVID_19.pdf (дата обращения: 22.11.2020).
12. План преодоления экономических последствий новой коронавирусной инфекции Правительства Российской Федерации от 12.11.2020 // Министерство

экономического развития Российской Федерации : сайт. URL: https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/plan_preodoleniya_ekonomicheskikh_posledstviy_novoy_koronavirusnoy_infekcii.html (дата обращения: 22.11.2020).

13. Об утверждении санитарно-эпидемиологических правил СП 3.1.3597-20 «Профилактика новой коронавирусной инфекции (COVID-19)»: постановление Главного государственного санитарного врача Российской Федерации № 15 от 22.05.2020 (ред. от 13.11.2020). URL: <https://www.rosпотребнадзор.ru/files/news/001202011160001.pdf> (дата обращения: 20.02.2021).

14. Об организации образовательного процесса в условиях предотвращения распространения коронавирусной инфекции : приказ врио ректора ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» от 16.03.2020 № 146 // Иркутский государственный университет : сайт. URL: <https://isu.ru/sveden/document/index.html> (дата обращения: 01.11.2020).

15. Программа антикризисных мер Правительства Российской Федерации на 2009 год (с учетом мнений экспертов, граждан РФ, представителей партий, общественных и политических организаций) от 06.09.2009 // Российская газета : сайт. URL: <https://rg.ru/2009/03/20/programma-antikrisis-dok.html> (дата обращения: 22.11.2020).

16. Резолюция от 09.04.2009 № 63/303, принятая Генеральной Ассамблеей, «Итоговый документ Конференции по вопросу о мировом финансово-экономическом кризисе и его последствиях для развития». // Организация Объединенных Наций : сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/econcrisissummit_outcome.shtml (дата обращения: 22.11.2020).

17. О режиме функционирования повышенной готовности для территориальной подсистемы Иркутской области единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций : указ губернатора Иркутской области от 12.10.2020 № 279-уг (ред. от 23.10.2020) // Российская газета : сайт. URL: <https://rg.ru/2020/10/12/irkutsk-ukaz279-reg-dok.html> (дата обращения: 01.11.2020).

18. О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19) : указ Президента Российской Федерации от 02.04.2020 № 239 // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349217/ (дата обращения: 07.11.2020).

19. Об образовании в Российской Федерации : федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 31.07.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 01.11.2020).

20. О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера : федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ (ред. от 23.06.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5295/. (дата обращения: 07.11.2020).

21. Формирование тревог и страхов среди молодежи под влиянием пандемии и кризиса // Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2020/2020-10-27_doklad.pdf (дата обращения 20.02.2021).

22. Официальный сайт Стопкоронавирус. URL: <https://стопкоронавирус.рф> (дата обращения: 21.02.2021).

23. Взаимопомощь во время пандемии // Официальный сайт Фонда «Общественное мнение». URL: <https://fom.ru/TSennosti/14393> (дата обращения: 20.02.2021).
24. Как пандемия разделила общества: реакции на стресс и оценки ситуации // Официальный сайт Центра социального проектирования «Платформа». URL: <https://pltf.ru/2020/06/08/kak-pandemija-razdelila-obshhestvo-reakcii-na-stress-i-ocenki-situacii/> (дата обращения: 20.02.2021).
25. Digital 2021: global overview report. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2021-global-overview-report> (дата обращения: 20.02.2021).
26. Shapiro J. A View From Washington: the America First Pandemic // European Council on Foreign Relations. 19 March 2020. URL: https://www.ecfr.eu/article/commentary_a_view_from_washington_the_america_first_pandemic (дата обращения: 18.02.2021).

Особенности конструирования бренда территории

Аннотация. Рассматриваются особенности развития бренда территории. Исследуются условия конструирования бренда Байкальского региона, приводятся результаты эмпирического исследования и социального прогнозирования перспектив развития территории.

Ключевые слова: бренд, имидж, территория, население, представления.

М. V. Popova

Features of the construction of the brand of the territory

Abstract. The article discusses the features of the development of the brand of the territory. Using an example, the conditions for constructing the brand of the Baikal region are analyzed, the results of empirical research and social forecasting of the prospects for the development of the territory are presented.

Keywords: brand, image, territory, population, ideas.

На сегодняшний день все более актуальным становится вопрос о региональной привлекательности и стратегическом управлении развитием территорий. Территориальное брендинг выступает одним из ключевых этапов этого процесса, так как позволяет подчеркнуть реальные и создать новые смыслы, формы и значения определенной территории во времени и пространстве.

Брендинг территории выступает инструментом повышения привлекательности и конкурентоспособности города, области, страны для привлечения различных ресурсов (финансовых, человеческих, культурных, инвестиционных и иных). В основе брендинга территории лежит представление об ее уникальности и неповторимости. Бренд территории с одной стороны – делает экономически и стратегически привлекательной данную территорию, с другой стороны – формирует позитивную территориальную идентичность ее жителей. Бренд – это инструмент консолидации территории. Цель данной статьи показать на примере Байкальского региона противоречия и перспективы построения бренда территории как на государственном уровне, так и на уровне представлений жителей региона.

Социально-исторические стратегии продвижения территории

Рассматривая исторический опыт можно выделить ряд характерных стратегий продвижения региона.

Религиозная. Продвижение территории осуществлялось через строительство уникальных религиозных сооружений или свидетельство жизни и смерти святых и мучеников какой-либо из религиозных доктрин. Данный аспект способствовал развитию инфраструктуры на самой территории и «славы» о ней за ее пределами [1].

Образовательная (университетская). Данная стратегия в Европе и США связана с религиозной, так как изначально университеты создавались на базе монастырей (Оксфорд, Кембридж, Сорбона). Изначальная цель университетов при монастырях – дать монахам более полное образование, переросла в масштабную стратегию и форму регионального развития, когда молодые люди светского двора стремились получать образование для соответствующего положения в обществе. Обслуживание университетов для окрестных земель давало возможность выжить и преумножить свое состояние [2].

Экономическая (торговая). Формирование ярмарок на пересечении торговых путей, в определенных городах концентрировали вокруг себя не только местных и иностранных купцов, ремесленников, но и артистов, гадалок и служили тем самым центрами развлечений. Продуманные управленческие действия привели к эффективным формам развития территории (Ярмарка в Антверпене служит центром консолидации с X в., на Руси аналогичными стратегиями возникли Сергиев Посад, Тихвин).

Экономическая (промышленная). Возникновение фарфоровых, соляных и иных производств привело также к консолидации местного населения вокруг определенных центров. Например, в XVIII в. началась история фарфорового производства в немецком Мейсене и британском Веджвуде. К XVI-XVII вв. восходит вологодское кружевоплетение, к XVIII в. история ивановских ситцев и гжельской керамики. В данном случае вещи – ассоциируются с территорией [13].

Оздоровительная. Данная форма территориального бренда возникла, как правило, в особых горных или водных территориях, где природа обладала целительными свойствами (лечение ревматизма или суставов грязями на Кавказе или Алтае, туберкулеза влажным воздухом Красного моря и т. д.)

Брендинг территории как подход управления

Территории продают продукты и услуги, которые могут создавать потенциал для роста инвестиций и иных ресурсов, так и наоборот – его нивелировать. В работе 1993 г. Ф. Котлера, Д. Хадера, И. Рейна «Маркетинг территорий: привлечение инвестиций, промышленности и туризма в города, штаты и страны» всестороннее раскрыто использование маркетинга территории как способа продвижения ее на различных рынках.

С этого момента принято считать, что брендинг территории стал общепринятой практикой государственного и регионального планирования развития.

В 2002 г. С. Анхольт впервые стал говорить о «брендинге мест», который включает в себя комплексный, диверсифицированный подход, а не узконаправленный (туризм, образование, религия). Анхольту принадлежит концепция «конкурентной идентичности», которая состоит из политики, бизнеса и инвестиций, культуры, туризма, экспортных брендов и людей. Бренд территории не возникает на пустом месте, задача исследователя – найти эту основную точку, которая может стать основой для развития территории. Большинство брендов европейских государств или отдельных европейских городов строится на этом бренде (Рим, Мадрид, Берлин, Гамбург и др.).

Примерно в это же время К. Дини предложил концептуальную модель бренда страны, которая включает совокупность активов бренда, связанных с его именем и символом [6].

Бренд государства складывается из внешних и внутренних активов. Внутренние активы, в свою очередь, делятся на «врождённые» (иконография, ландшафт, культура) и «приобретённые» (внутренние встречные закупки, поддержка искусства, уровень лояльности). Во внешних активах К. Динни выделяет «активы, оцениваемые через опыт других людей» (восприятие имиджа страны, изображение страны в иностранной поп-культуре), и «рассредоточенные активы» (послы национального бренда, диаспора, экспорт). Согласно данной модели, архитектура национального бренда включает три уровня: собственно, зонтичный национальный бренд; определяемые им бренды в отдельных сферах (туризм, экспорт, внутренние инвестиции, политика и культура, привлечение квалифицированных специалистов, спорт); самостоятельные бренды на уровне регионов, городов, отдельных национальных товаров и услуг, культурных и образовательных центров [17]. В рамках этой концепции разработан бренд США, Австралии, Канады и других государств.

Брендинг региона – это консолидация климатических и географических, исторических и культурных, экономических и политических условий возникновения и развития регионов [16]. В основе бренда региона (территории) должна лежать некоторая общепризнанная уникальность региона, а соответственно, можно говорить о следующих видах брендов территорий:

- бренд географического места – Тибет, о. Байкал, Альпы;
- бренд места исторического события – Куликово поле, Карлов Мост, Ватерлоо;
- бренд государства и входящих в него административных единиц (бренд земли, штата, области, края, республики, города, района) – «Земля Обетованная» (Израиль), «мировой финансовый центр» (Нью-Йорк, Лондон), «культурная столица России» (Санкт-Петербург), «город невест» (Иваново), «город влюблённых» (Париж), «середина земли» (Иркутск), «город возможностей» (Ангарск);
- бренд производителя или территории происхождения (бренд государства, географический регион, группа районов, городов) – «японская техника», «швейцарские часы», «венецианское стекло», «уральские самоцветы», «вологодские кружева», «хохлоมская роспись» [4].

Бренд территории касается различных целевых групп, в каждой из которых раскрывается по-новому. Но в любом случае он создает ценностно-идентификационную принадлежность, формирует инвестиционную и трудовую привлекательность и туристическую ценность [8].

Теоретические подходы изучения брендинга территории

На сегодняшний день не сложилось единой теории формирования брендинга территории. Авторы опираются на разные подходы территориального брендинга. Рассмотрим основные из них.

Геокультурный подход рассматривает символические и мифологические образы культурной реальности той или иной территории как основные формы возникновения и развития идентичности жителей. Задачей тех, кто развивает бренд в рамках данного подхода, является выделение ключевых символических образов, соединяющих всех жителей и характеризующих данную территорию с последующей ретрансляцией внутри и вне данного социума (Иркутяне – жители середины земли; Россия – основа духовного возрождения мира) и многое другое (Д. Н. Замятин [9], И. Б. Бритвина [3]).

Маркетинговый подход предполагает создание инвестиционной, экономической привлекательности региона, формирование такого об-

раза территории, которая бы расширила финансовые, человеческие, управленческие и иные потоки на конкретной территории. Задачей имиджмейкеров с позиции этого подхода является конструирование привлекательных пространство и как следствие увеличение привлекательности территории для коренных ее жителей. Иными словами, процесс управления территорией рассматривается как маркетинговая задача, решить которую возможно разными способами (И. С. Важенина [5], А. В. Мазуренко [10] и т. д.

Политический подход предполагает, что брендинг отдельной территории или страны является частью региональной или глобальной политики. Бренд территории несет своеобразный политический вес, регулирующий интересы того или иного государства на политической, экономической и культурной арене. Например, Тибет для Китая; Гонконг, взятый в аренду Великобританией у Китая на 99 лет в 1898 г. и отданный обратно по истечении договора; острова на Дальнем Востоке отданные Россией Китаю в начале XXI в. или же при Александре III проданная Калифорния, Аляска, Гавайские и Маршаловы острова США (И. Я. Рожков [19], Т. Л. Нагорняк [12]).

Социологический подход опирается на восприятие территории как пространства отношений, формирующих у людей представления и предпочтения. Благодаря данному подходу изучаются такие вопросы формирования бренда территории как идентичность, самовосприятие, социальная память и многое другое, что позволяет создавать условия для социального моделирования (например, территория Сочи перед и после последней Олимпиады; территория Крыма («Крым – НАШ!»); «Санкт-Петербург – культурная столица России» и проч. [11; 18; 21]).

Каждый подход предполагает свои модели развития и управления территориями. Наша цель обусловлена изучением особенностей брендинга Байкальского региона, пониманием специфики и особенностями форм территориального брендинга отдельного региона.

Характеристика исследования

Исследование проходило весной 2017 г. среди жителей Байкальского региона, в который входят три субъекта РФ, объединяемые принадлежностью к бассейну о. Байкал – феномену мирового значения. Сегодня это Иркутская область (далее – ИО), Республика Бурятия (РБ), Забайкальский край (ЗК). Регион обладает всеми признаками ландшафтно-экологической и хозяйственно-культурной целостности. Географическое и геополитическое положение Байкальского региона также выгодно отличается от соседних регионов. Располагаясь между Сибирью и Дальним Востоком, эта территория, имеющая хорошие выходы в страны Центральной и Восточной Азии, всегда использовалась

Россией для установления контактов и торговли с этими странами, а также служила базой для освоения Ближнего Севера и Приамурья. В советское время она стала военно-стратегическим плацдармом, а в экономическом плане превратилась в транзитно-буферный регион.

Современные социально-экономические условия ставят новые задачи перед лидерами данного региона, которые зачастую носят противоречивый характер. Разработка единого бренда территории позволит создать единую буферную зону инновационного развития и формирования единой территориальной идентичности для жителей данного региона.

В анкетном опросе не коренных народов приняли участие 2 600 человек в возрасте от 18 до 65 лет, 55 % женщин и 45 % мужчин, имеющий разный уровень образования, места жительства и социально-экономического статуса. Также, нами было проведено 6 фокус-групп, в которых приняли участие 48 человек (каждая группа состояла из 7–9 человек). Для фокус-групп привлекались представители различных социальных групп, опрошенных в ходе анкетного этапа исследования.

Обработка и анализ данных опроса проводились с использованием пакета SPSS.

Результаты исследования

Формирование бренда территории неоднозначно для жителей различных субъектов РФ, входящих в Байкальский регион. Вероятно, это является препятствием для формирования единой государственной политики развития бренда и имиджа данной территории.

Опрос жителей Байкальского региона показал, что среди старшего поколения доминирует геокультурный и социологический подход восприятия регионального бренда, а среди младшего поколения – маркетинговый и значительно в меньшей степени политический подходы (табл. 1).

Таблица 1

Подходы восприятия бренда территории, %

Подходы	Старшее поколение (41–75 лет)			Младшее поколение (18–40 лет)		
	ИО	ЗК	РБ	ИО	ЗК	РБ
Геокультурный	45	40	50	20	20	30
Социологический	40	35	40	25	20	25
Политический	5	10	5	15	20	10
Маркетинговый	10	15	5	40	40	35

Стоит отметить, что представления старшего поколения строятся на обывательском уровне, на жизненном опыте, а представления младшего поколения – на четком понимании функционирования и развития региона изнутри. Поэтому существует противоречие между данными группами.

Жители региона, чьи ответы раскрывают геокультурный подход, говорили о ценности и значимости культурного пространства региона:

«На нашей территории имеется множество культурно-исторических памятников, что делает нашу территорию уникальной и неповторимой» (Н. Д., 37 лет, ИО); *«Уникальная буддистская культура сохранилась на территории всего Байкальского региона – это надо хранить как величайшую ценность!»* (Н. Г., 54 года, РБ); *«Мы связаны со своими предками и потомками невидимыми нитями судьбы, поэтому нам нельзя терять символы и знаки нашей Земли»* (О. А., 54 года, ЗК); *«Байкальская земля священна – ее надо оберегать и хранить, иначе кара духов будет неизбежна»* (А. А., 31 год, РБ).

Кого мы отнесли к социологическому подходу, говорили о важности идентичности и качества жизни:

«Наше видение будущего строиться на восприятии прошлого – дореволюционного, советского, особенностей нынешней жизни. Так вот и плюсы для развития надо искать в настоящем, а не в ошибках прошлого» (О. О., 36 лет, ЗК); *«Будущее мира лежит в воде, в нашем регионе – вода это уникальный ресурс, его надо хранить. Я не уеду никуда отсюда»* (Л. Ю., 31 год, ИО); *«У нас есть уникальное озеро, немного развить инфраструктуру и все в порядке будет»* (Л. А., 37 лет, РБ).

Ответы респондентов, близкие к политическому подходу, концентрировались роли территории как стратегического ресурса политических сил:

«Иркутская область – это стратегический ресурс для России, она сокровищница Азии и жемчужина Европы» (Н. Н., 35 лет, ИО); *«Байкальский регион – это середина земли. Это точка интересная и Европе и Азии»* (С. Д., 59 лет, РБ).

Ответы респондентов, близкие к маркетинговому подходу опирались на инвестиции и развитие инфраструктуры региона:

«Стратегическое развитие Байкальского региона – это стратегическая задача страны. Приоритетными направлениями является добыча ресурсов и развитие туризма. После – этот регион станет одним из самых уникальных в России» (Я. Я., 42 года, РБ); *«Развитие инвестиционного климата и потенциала приведет к мировым трансформациям социального и политического расклада как внутри России,*

так и на международном уровне. Ключевым пространством этого процесса станет Байкальский регион» (О. О., 69 лет, ИО).

Представители старшего и младшего поколения по разные стороны. Это так называемый информационно-коммуникативный разрыв, где молодежь говорит на языке не понятном для старшего поколения, о формах, особенностях и целях политики для повышения привлекательности бренда территории. Это формирует разорванность смысловых полей и пространств территориального развития. Разные поколения говорят на разных языках, вкладывают не одинаковые смыслы и значения и тем самым формируют зону непонимания, а вместе с тем и не поддержания форм и инструментов брендинга территории.

Таблица 2

Эмоции, связанные с развитием бренда территории, %

Эмоции	Старшее поколение (41–75 лет)	Младшее поколение (18–40 лет)
Доверие органам власти в развитии территории	5	13
Радость за то, что живу именно тут	15	16
Гордость за территорию	24	20
Раздражение от ненужных трат	19	15
Не готовность участвовать лично в формировании бренда территории	22	23
Не знание и не готовность требовать с представителей власти территориального брендинга	12	10
Эмоциональная и поведенческая поддержка решений правительства в области территориального брендинга	5	3

Не менее ярко прослеживается данная тенденция и в фокус-группах. Приведем некоторые примеры:

«Если нам дадут деньги на развитие региона, то хорошо если половина из них будет потрачена хотя бы на предварительную разработку его... а то и меньше» (М. А., 32 года, ИО); *«Деньги на бренд территории – это деньги на ветер, слишком аморфная категория для того, чтобы за это готовы были платить и в это вкладывать деньги»* (С. Т., 43 года, РБ); *«Как можно оценить эффективность бренда за год или два? Тут нужна целенаправленная работа десятилетиями, а у нас на это нет ни кадров, ни ресурсов»* (И. А., 54 года, ИО).

Очевидно еще одно противоречие – гордость за территорию, но не готовность поддерживать траты на ее развитие. Иными словами, существует установка на то, что все должно случиться «само», без усилий или эти усилия должен организовать «кто-то», но не каждый житель

региона, но не главы субъектов РФ, входящих в этот регион, ни их служащие. Надежда на «волшебство», и уверенность в силе геокультурных факторов, уводит от рационального и взвешенного подхода развитию территории. Это нежелание принять ответственность за судьбу региона на себя. Вне зависимости от занимаемой должности, статуса и положения в обществе. Люди без ответственности за судьбу региона не могут комплексно развивать его, не могут стать по-настоящему его частью.

«Бренд – это громкие слова, которые интересны только тем, кто идет во власть или зарабатывает на этом деньги. Простым людям он не нужен» (Л. Е., 39 лет, ЗК); *«Простой человек не думает о бренде территории, он думает о том, как кормить семью и как жить самому»* (А. Ю., 55 лет, РБ); *«В бренде заинтересованы те, кто сможет извлечь из этого деньги. А простой человек итак гордиться той территорией, где живет»* (И. Н., 64 года, ИО).

Еще одно противоречие связано с идентичностью. С одной стороны, доминируют геокультурные факторы, которые опираются на гордость за данную территорию, ее культурно-историческое прошлое и настоящее. Но с другой стороны, существует отрицательная территориальная идентичность, которая формирует желание уехать поскорее с этой территории (*«А что тут может держать людей? Ни нормально-го жилья, ни достойной работы, ни гарантий для будущего детей. Поскорей бы уехать»* (А. Г., 33 года, ЗК); *«Меня тут ничего не держит. Я хочу жить полной жизнью в больших городах»* (Л. С., 23 года, ИО)).

Л. Л. Гудков говорит о том, что негативная идентичность выражается в агрессии людей, неготовности помогать, отсутствия мотивации достижения [7], О. А. Полюшкевич говорит об отсутствии социальной эмпатии [14; 15], В. А. Скуденков об отсутствии социального лидерства и социальной общности [20]. Это все показывает дефицит территориальных ценностей, включенный в реальные повседневные практики. У людей есть представление о том, как должно быть (эмоционально и когнитивно они это осознают), но на практике, в обычной жизни не готовы этому следовать, а скорее наоборот, опровергают это.

Демонстрация негативной идентичности сопровождается положительной эмоциональной включенностью.

Как видно из данных табл. 3, положительная оценка включается тогда, когда есть сравнение с прошлым опытом или отдельными фигурами, которые показали иные ориентиры в развитии страны.

Таблица 3

Примеры когнитивно-эмоциональных противоречий

Негативная идентичность (начало высказывания)	Эмоциональная включенность (продолжение высказывания)
Развитие бренда невозможно, у нас же все воруют – от начальника, до дворника ...	... хотя если заставить всех что это надо, то конечно будут работать на совесть, как при Сталине работали
При развитии бренда всегда будут косяки, потому что не так рассчитали, не так подумали, не тем поверили ...	... так то, промахи всегда бывают. Но если мыслить большими категориями – дело хорошее. Например, Советский Союз имел отличный имидж во всем мире, нас все боялись, хотя внутри не все и не всегда было гладко ...
Да у нас все хорошо никогда не бывает, что-нибудь, где-нибудь и как-нибудь будет не так ...	... но если все по уму делать, то может и выйдет супер бренд

Проводя формальный анализ мы можем сказать, более 70 % ответов опирались не на когнитивные моменты (четкое знание и понимание того, что надо развивать, какими инструментами и методами), а на аффективные состояния (эмоциональное восприятие, чувственную оценку), более того деятельностные моменты – реальные поступки и действия, которые могут создать бренд и имидж территории смогли обозначить далеко не все (как в отношении себя лично, так и в предъявлении требований к представителям власти, бизнеса, НКО).

Это говорит о том, что они не воспринимают бренд территории как свой продукт. Это надо для власти, бизнеса, но не для меня.

Среди всех опрошенных мы можем выделить скептиков (35 %) – они говорят о реальных трудностях и сложных механизмах оценки разработки и продвижения бренда территории; патриотов (25 %) – рассматривают развитие бренда как ресурс потенциального развития, но среди них нет тех, кто рационально может просчитать, отследить и контролировать эффективность и последовательность данной работы; индифферентных (30 %) – тех, кому все-равно, как и что будет развиваться; затруднившихся с ответом (10 %).

Таким образом, проблемное поле территориального брендинга Байкальского региона лежит не только, вернее не столько в отсутствии понимания, что необходимо делать, а в отсутствии внутреннего понимания смысла и целей этих действий, как для жителей региона, так и для самих государственных и муниципальных служащих.

Доступность информации, открытость и четкое понимание того, как можно оценить развитие рендинга территории может помочь выявить не только аффективные (эмоциональные) и когнитивные части развития бренда в сознании населения, но и привести к поведенческому (деятельностному) участию каждого члена регионального социума в продвижении бренда территории и совместном развитии того места, где мы живем.

Властям Байкальского региона необходимо найти свою нишу развития территории. Ключевыми показателями успеха в настоящее время становятся не территориальные размеры и экономическая база, а нестандартные управленческие решения и четко и грамотно сформулированные стратегические интересы, доступные для понимания всех поколений и представителей всех заинтересованных сторон (власти, бизнеса, НКО и др.).

Литература

1. Багаева Т. Л., Рожков И. Я. Возможности повышения результативности социального управления брендинговой деятельностью // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 4. С. 194–204.
2. Баженова Е. Ю. Бренд территории: содержание, модели формирования, практика конструирования в российских регионах // Terra economikus. 2013. Т. 11, № 3, ч. 2. С. 120–125
3. Бритвина И. Б., Старостова Л. Э. Брендинг территорий: проблема поиска ценностных оснований // Известия Уральского Федерального университета. Серия 1, Проблемы образования науки и культуры. 2014. Т. 129, № 3. С. 163–171.
4. Булина А. О. Бренд территории как ключевой фактор её развития // Лабири́нт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 5. С. 23–29.
5. Важенина И. С. Бренд территории: сущность и проблемы формирования // Маркетинг в России и за рубежом. 2012. № 2 (88). С. 91–101.
6. Воробьев В. П., Голубовская О. Л., Еремина Е. В. Роль региональных брендов в формировании региональной идентичности и имиджа территории // Власть. 2014. № 11. С. 122–127.
7. Гудков Л. Д. Негативная идентичность : статьи 1997–2002 гг. М. : НЛЮ, 2004. 816 с.
8. Замятин Д. Н., Замятина Н. Ю. Имиджевые ресурсы территории: стратегии анализа и концептуальное осмысление (на примере проекта по формированию брендов городов Свердловской области) // Лабири́нт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. № 1. С. 26–45.
9. Замятин Д. Н. Геокультурный брендинг территории: концептуальные основы // Лабири́нт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 5. С. 11–23.
10. Мазуренко А. В. Формирование ключевых показателей оценки брендинга территории : дис. ... канд. экон. наук. 08.00.08. СПб., 2014. 165 с.
11. Маркина Ю. М. Конструирование имиджа дальневосточного региона как социологическая задача // Вестник ТОГУ. 2010. № 2(17). С. 257–262.

12. Нагорняк Т. Л. Брендинг территории как вектор политики // Информационный гуманитарный портал Знание. Понимание. Умение. 2013. № 4. С. 13–19.
13. Новосельская В. В. Культурное пространство территории как ресурс экономики впечатлений // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 3. С. 72–86.
14. Полюшкевич О. А. Социальная эмпатия: вопросы консолидации российского общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 6 (130). С. 3–18.
15. Полюшкевич О. А., Антонова Л. Л., Кашаев А. Е. Эмпатия и социокультурная солидарность // Философская мысль. 2016. № 10. С. 71–82.
16. Попова М. В. Брендинг территории как инструмент консолидации общества // Консолидация российского общества: организационные, образовательные и социокультурные ресурсы: материалы Всерос. науч. -практ. конф. / под общ. ред. О. А. Кармадонова, О. А. Полюшкевич. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2016. С. 222–224.
17. Попова М. В. Позиционирование территории как фактор городского развития // Культура и Взрыв: Социальные смыслы в трансформирующемся обществе : VII всерос. науч. интернет-конф. / под общ. ред. О. А. Кармадонова, О. А. Полюшкевич. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2015. С. 52–57.
18. Попова М. В. Современное развитие территориального брендинга (на примере сибирских городов) // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений : материалы науч.-практ. интернет-конф. Вологда : ИСЭРТ РАН, 2016. С. 81–88.
19. Рожков Р. Я. Проблемы формирования сильного бренда «Россия» и технологии брендинга в ее решении // Имидж государства, региона в современном информационном пространстве : материалы симп. СПбГУ, 23–24 марта 2009 г. СПб., 2010. С. 301–306.
20. Скуденков В. А. Лидерство и социальное развитие // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 2. С. 180–184.
21. Тумакова К. Е. Региональная идентичность и брендинг территории как социально-управленческий ресурс // Власть. 2010. № 3. С. 70–73.

Особенности территориального развития Иркутской области

Аннотация. Рассматриваются условия территориального развития Иркутской области. Изучаются особенности социального моделирования и общественного воспроизводства в условиях территориального развития, выявляются основные сферы и формы территориального воспроизводства на символическом и конкретно-практическом уровне.

Ключевые слова: территориальное развитие, представления логика развития, система управления

Yu. V. Zavarzina

Features of the territorial development of the Irkutsk region

Abstract. The article examines the conditions for the territorial development of the Irkutsk region. The features of social modeling and social reproduction in the context of territorial development are studied, the main spheres and forms of territorial reproduction at the symbolic and concrete-practical level are identified.

Keywords: territorial development, concepts, logic of development, management system

Территориальное развитие актуально в любое время. Каждая территория имеет свои особенности и соответственно, может совершенно уникально развиваться. Важно понимать, какие формы и ориентиры имеются на конкретной территории и применять их как в политике властей, так и в повседневной жизни среди жителей.

Рассматривая разнообразные аспекты территориального развития, ученые предлагают множество стратегий и ориентиров. Каждая область изучения имеет свои особенности. Мы выделили несколько таких групп.

Первая группа – объединяет исследования, с территориально-демографической основой развития территории. Она объединяет работы, включающие в себя изучение динамики населения, их качества и количества, а также влияния на развитие территории (А. Г. Мазаев [10], Л. И. Малюк [11], Л. А. Овчинцева и М. А. Котомина [13], В. Н. Дьяченко и Е. А. Бурлаев [5], А. Ч. Кылыдай [8] и др.).

Вторая группа – концентрирует исследования, направленные на стратегические инновационные формы развития территории. Она

обобщает исследования, нацеленные на социально-экономические инновации, которые приводят к развитию территории (Р. А. Дикий и др. [4], Н. В. Бекетов [1], А. С. Ильин [6], А. П. Соколов [21] и др.).

Третья группа – обобщает работы, затрагивающие социальные аспекты территориального развития, касающиеся как социально-психологических характеристик больших групп (выделенных по национальному, культурному или иному признаку на определенной территории), так и индивидуальных стратегий социальной адаптации (О. Кузнецова [7], Е. А. Лубашев [9], О. А. Полюшкевич [14–16], В. А. Скуденков [20] и др.).

Четвертая группа рассматривает исследования, касающиеся имиджевых и брендовых основ развития территории. Примером могут служить работы Ю. В. Борисовой [2; 3], М. В. Поповой [17, 18], Л. Н. Мозуль и Т. Ю. Сазоновой [12] и др.).

Отдельной пятой группой, стоят немногочисленные исследования касающиеся роли гендерных факторов в территориальном развитии. Интересные данные представлены в исследовании Н. К. Радиной, Н. В. Ким и А. В. Поршнева [19] о гендерных аспектах территориального развития и интегрированности жителей провинциальных городов, социальной солидарности жителей городов [16].

Характеристика исследования

В 2017 году ИСН ИГУ проводился опрос россиян на тему «Особенности конструирования бренда территории». Опрос проводился Иркутским государственным университетом в 2017 г. в городах Иркутске, Ангарске, Усолье-Сибирском, Братске, Шелехове, Черемхово, Свирске, Тулуне, Куйтуне, Тайшете, Усть-Илимске. Общее количество респондентов – 2400 человек, в возрасте от 18 до 75 лет, 55 % женщин и 45 % мужчин, погрешность 2,5 %. Выборка случайная.

Также нами было проведено 24 неструктурированных экспертных интервью с представителями органов власти, бизнеса, руководителями НКО, представителями СМИ и иных социально-профессиональных групп, непосредственно влияющих либо на территориальное развитие, либо на представления о нем через свою деятельность.

Анализ результатов исследования

На развитие территории влияют разнообразные факторы. По мнению респондентов это внешнеполитическая ситуация (20 % для мужчин и 35 % для женщин), внутриполитическая ситуация (45 % для мужчин и 30 % для женщин), внутрирегиональная ситуация (35 % для мужчин и 35 % для женщин). То есть те решения, которые принимают-

ся на общероссийском уровне, имеют определяющий вес в направлении развития территории (зачастую это определяется дополнительным финансированием через целевые программы, направленные в конкретный регион).

Данное утверждение подтверждает тот, факт, что рассматривая разнообразные процессы, влияющие на развитие территории, респонденты на первое место ставят экономику (35 % для мужчин и 30 % для женщин), на второе политику (28 % для мужчин и 25 % для женщин), на третье человеческий фактор (22 % для мужчин и 30 % для женщин) и на четвертое – исторические предпосылки (15 % для мужчин и 15 % для женщин). Более подробно это представлено в табл. 1.

Таблица 1

Перспективы развития территории лежат в сфере ...

Сферы	Мужчины	Женщины
Экономики	30	10
Производства	25	5
Инфраструктуры	20	15
Туризма	15	15
Культуры	5	25
Истории	5	30

По мнению мужчин и женщин, перспективы развития территории лежат в развитии инфраструктуры (20 % и 15 % соответственно) и туризма (по 15 %). В остальных сферах – мужчины и женщины не солидарны. Для мужчин это экономика (30 %) и производство (25 %). Для женщин – культура (25 %) и история (30 %).

Говоря о развитии необходимо рассматривать те особенности общественного мнения, что сложились на данный момент в конкретном регионе, так как именно они являются основой социально-психологической удовлетворенности где и как они живут, какие перспективы жизни для их детей в данном регионе имеются.

У мужчин преобладают объективно-формальные критерии (приобретенные в процессе вторичного изучения, внешнего опыта), у женщин – субъективно-личностные (приобретенные через непосредственный личный опыт человека). Более подробно это представлено в табл. 2.

Таблица 2

Гендерные отличия восприятия качеств территории

Критерии	Формы	Мужчины	Женщины
Объективно-формальные	Большая	60	40
	Маленькая	40	60
	Развития	40	60
	Отсталая	60	40
	Перспективная	80	70
	Тормозящая	20	30
	Богатая	90	70
	Бедная	10	30
	Культурная	30	70
Субъективно-личностные	Некультурная	70	30
	Активная	40	60
	Пассивная	60	40
	Открытая	40	70
	Закрытая	60	30
	Теплая	30	20
	Холодная	70	80
	Чистая	80	70
	Грязная	20	30
	Своя	80	70
	Чужая	20	30

Для мужчин, территория Иркутской области в объективно-формальных критериях выступает в большей степени большой (60 %), но отсталой (60 %), при этом перспективной (80 %), некультурной (70 %) и богатой (90 %). В субъективно-личностных критериях мужчин преобладают такие качества территории Иркутской области как пассивная (60 %), закрытая (60 %), холодная (70 %), но при этом чистая (80 %) и своя (80 %) территория.

Для женщин, территория Иркутской области в объективно-формальных критериях выглядит следующим образом: маленькая (60 %), развитая (60 %), перспективная (70 %), культурная (70 %) и богатая (70 %). В субъективно-личностных критериях женщин преобладают такие качества территории Иркутской области как активная (60 %), открытая (70 %), холодная (80 %), чистая (70 %) и своя (70 %).

Иными словами, говоря о развитии территории, мужчины и женщины солидарны в том, что это «перспективная», «богатая», «холодная», «чистая», «своя» территория. В остальных критериях и формах взгляды мужчин и женщин расходятся.

Эти данные весьма красноречиво показывают, что мужчинам не хватает денег и условий для комфортной жизни, поэтому культуру и образование они отодвигают на второй план.

Наши респонденты в СМИ чаще замечают отрицательные 44 % мужчин и 40 % для женщин, либо нейтральные сообщения об Иркутской области 35 % мужчин и 40 % для женщин, значительно меньшая часть, замечает положительную информацию 21 % мужчин и 25 % для женщин.

Среди отрицательных чаще всего называли: «пожары в лесах области» по 55 % и мужчины и женщины, «наводнения на реках севера области» 41 % мужчин и 20 % женщин, «загрязнение Байкала» 33 % мужчин и 40 % женщин, «мусорные свалки» 25 % мужчин и 30 % женщин, «ветхое и аварийное жилье» 20 % мужчин и 25 % женщин, «приостановки производств» 15 % мужчин и 10 % женщин, «плохие дороги» 15 % мужчин и 10 % женщин. Большая часть ответов касалась социально-экологической обстановке в регионе и меньшая – экономического и инфраструктурного развития. Решение каждого из этих вопросов требует внимания и финансирования на федеральном уровне, региональные и муниципальные органы власти не справятся в одиночку.

Задавая вопрос, что объединяет жителей Иркутской области, мы получили три блока ответов: природа, культурно-религиозные традиции и мифология (табл. 3).

Таблица 3

Объединяющая территориальная символическая идентичность

Символическая идентичность	Характеристика
Природа	Уникальные природные условия (реки, земли, озера)
Культурно-религиозные традиции	Развитие традиционных национально-религиозных праздников и ритуалов формирует уникальный облик рассматриваемой территории
Мифология	Мифологемы прошлого в конструировании мифов и образов будущего

Объединяющая территориальная символическая идентичность, которая может стать основой формирования бренда Иркутской области строится на исторических условиях формирования среды, реальных природно-климатических характеристик и мифологии автохтонного населения, которую переняли и новые переселенцы, которые на сегодняшний день являются основными жителями рассматриваемой территории. По мнению О. А. Полюшкевич, социокультурные основы социального пространства территории являются условием солидарности

людей вне контекста времени [4]. Именно это, на наш взгляд, является условием единства Иркутской области.

Наши респонденты, говоря о природе, которая объединяет жителей и ассоциируется с данной территорией говорили о реках – 55 % (Ангара, Иркут, Китой, Селенга), об озере Байкал; о тайге – 35 % («Сибирская тайга», «тайга Восточной Сибири», «Прибайкальская тайга», «Байкальская тайга»); о степи – 10 % («Бурятская степь», «Забайкальская степь»).

Рассматривая культурно-религиозные традиции говорили о национальных праздниках – 65 % (Сагаалган, Сурхарбан); ритуалах шаманов – 35 % («помощь духов при лечении болезни», «гадания шаманов», «привлечение удачи и помощи через посредников шамана»)

Говоря о мифологии касались мифов народов, живущих на территории региона бурят, эвенков, тофов и других – 95 % («Сага о Гэсэре», «Эхэ Бурхан», «Наран», «Хара», «Торганай» и т. д.).

Иными словами, жители рассматриваемого региона конструируют ритуалы, которые выступают конъюнктурами социальной интеграции [6].

Относительно равномерное распределение среди тех, кто хотел бы остаться, но чтобы дети уехали (35 % мужчин и 30 % женщин), хотел бы остаться с детьми (30 % мужчин и 35 % женщин), хотел бы уехать (по 35 % среди мужчин и женщин).

Это говорит о том, что данная территория не является привлекательным ресурсом для жизни для существенной части жителей региона. Среди причин, по которым жители хотели бы уехать назвались в основном социально-экономические.

Пессимистичные ответы: *«Какие могут быть перспективы, если нет работы и своего жилья?»* (Л. Е., 20 лет, жен); *«Какое будущее у меня и моей семьи, если мы только концы с концами и сводим»* (С. С., 29 лет, муж); *«Ни у меня, ни у моих детей нет тут перспектив»* (Н. В., 39 лет, жен).

Оптимистичные ответы: *«Я люблю территорию, где родилась и выросла, поэтому сделаю все, что от меня зависит, чтобы сделать ее богатой и процветающей»* (О. М., 34 года, жен). *«Я знаю, что наша территория крутая, а в будущем – будет еще круче. Надо поработать с имиджем, а все остальное (начинка) уже есть»* (М. А., 20 лет, муж).

Таким образом, развитие территории зависит от многих факторов, но не последнюю роль в этом процессе занимают взгляды мужчин и женщин. Развитие территории стоит начинать с положительных образов и символов, которые уже сложились в представлениях ее жителей.

Конструирование бренда территории должно начинаться с разъяснительной и пропагандистской работы органов власти и всех заинтересованных сторон. Внедрение имиджевых составляющих всегда предшествует разъяснительной работе, конструированию идеологии и распространению ее среди жителей региона. Особенно это касается территориальных общностей. Маркетинг территории начинается с разъяснительной работы, а сам бренд территории является конечным продуктом проделанной ранее работы, так как без общественной поддержки и веры в него, его эффективность будет маловероятна.

Органам власти можно было бы рекомендовать расширение идеологической составляющей в роли и значении территории. Например, через социальную рекламу на улицах города и местном телевидении, отражающую историю и социокультурные особенности региона. А также проведение конкурсов среди населения на логотипы и гербы, гимны и стихи районов городов и поселков.

СМИ стоит расширить некоммерческую составляющую информационных сообщений, нацеленную на культурно-просветительские и патриотические формы социального развития территории.

Жителям территории стоит увеличить социальную активность и большую включенность в обсуждение вопросов стратегического развития и социальной инфраструктуры всей территории.

Данные рекомендации носят общий характер. Восприятие территории всегда будет неоднозначно восприниматься и трактоваться мужчинами и женщинами, но целостное восприятие необходимо для конструктивного развития территории.

Литература

1. Бекетов Н. В. Региональные проблемы формирования национальной инновационной системы // Региональная экономика: теория и практика. 2004. № 12. С. 5–11.
2. Борисова Ю. В. Образ города как стратегия развития // Урбанистика. 2016. № 3. С. 81–89.
3. Борисова Ю. В., Попова М. В. Введение в маркетинг территории : учеб. пособ. Иркутск, Изд-во ИГУ. 2017. 146 с.
4. Дикий Р. А., Кабакова С. О., Остапенко Н. Н., Федоров А. С. Проблемы и перспективы внедрения современных форматов территориального развития в регионах Российской Федерации // Экономика и предпринимательство. 2016. № 11–4 (76–4). С. 261–272.
5. Дьяченко В. Н., Бурлаев Е. А. Демографический аспект устойчивого развития приграничных территорий в условиях Дальнего Востока // Управление экономическими системами : электрон. науч. журн. 2016. № 10 (92). С. 19.

6. Ильин А. С. Стратегическое управление территориальным развитием России: технологический уклад и этернизация // Научное обозрение. 2014. № 6. С. 303–309.
7. Кузнецова О. Социальные аспекты федеральной региональной политики // SPERO. Социальная Политика: Экспертиза. Рекомендации. Обзоры. 2008. № 9. С. 23–36.
8. Кылгыдай А. Ч. Демографическая ситуация в приграничных регионах Южной Сибири // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 5. С. 54–59.
9. Лубашев Е. А. Теоретические основы социального развития регионов // Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России. 2013. № 3. С. 155–160.
10. Мазаев А. Г. Системное представление миссии развития территориальной системы расселения на примере Уральского федерального округа // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2016. № 1 (28). С. 11–15.
11. Малюк Л. И. Комплексное развитие сельских территорий – социально-демографический аспект // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. 2013. № 7 (11). С. 319–322.
12. Мозуль Л. Н., Сазонова Т. Ю. Роль имиджа в формировании конкурентоспособности территории // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2011. № 3. С. 104–107.
13. Овчинцева Л. А., Котомина М. А. Демографический аспект устойчивого развития сельских территорий // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Экономические науки. 2012. № 2. С. 95–101.
14. Полюшкевич О. А. Потенциал адаптации жителей региона к модернизационным процессам в стране // Baikal Research Journal. 2010. № 5. С. 116–119.
15. Полюшкевич О. А. Социокультурная преемственность и консолидация общества // Социология власти. 2011. № 4. С. 59–66.
16. Полюшкевич О. А. Гендерная дифференциация представлений о социальной солидарности в современном российском городе // Женщина в российском обществе. 2010. № 3. С. 15–23.
17. Попова М. В. Брендинг территории как инструмент консолидации общества // Консолидация российского общества: организационные, образовательные и социокультурные ресурсы: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ. 2016. С. 222–224.
18. Попова М. В. Современное развитие территориального брендинга (на примере сибирских городов) // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений: материалы научно-практ. интернет-конф. Вологда : ИСЭРТ РАН. 2016. С. 81–88.
19. Радина Н. К., Ким Н. В., Поршнев А. В. Гендерные аспекты социальной интегрированности жителей провинциальных городов в контексте развития территории (сравнительный анализ 2002 и 2014 гг.) // Женщина в российском обществе. 2016. № 1. С. 35–50.
20. Скуденков В. А. Лидерство и социальное развитие // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 2. С. 180–184.
21. Соколов А. П. Теоретический подход к определению устойчивого сбалансированного развития региона // Финансовая экономика. 2016. № 1. С. 86–91.

Анохина Анна Альбертовна – студентка 4-го курса направления «Социология» Института социальных наук Иркутского государственного университета, стипендиат Оксфордского Российского фонда в 2019–2021 гг., г. Иркутск, e-mail: anokhinaa_anna@mail.ru

Заварзина Юлия Владимировна – доцент, кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета, стипендиат Оксфордского Российского фонда в 2015–2017 гг., г. Иркутск, e-mail: julia661@mail.ru

Завьялов Андрей Владимирович – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры клинической, социальной психологии и гуманитарных наук Иркутского государственного медицинского университета, стипендиат Оксфордского Российского фонда в 2010–2013 гг., г. Иркутск, e-mail: zavialovandriko@yandex.ru.

Загородний Валентин Дмитриевич – магистрант 2-го курса направления «Государственное и муниципальное управление» Института социальных наук Иркутского государственного университета, стипендиат Оксфордского Российского фонда в 2017–2020 гг., г. Иркутск, E-mail: lic-kric97@mail.ru

Кузьмина Елена Сергеевна – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук Иркутского государственного университета, Стипендиат Оксфордского Российского Фонда в 2008–2011 гг. Иркутск, E-mail: kuzelenas@mail.ru

Логунова Галина Викторовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии, истории и регионоведения, ответственный секретарь совета по НИРС ИГУ, ведущий эксперт программы Оксфордского Российского фонда в Иркутском государственном университете с 2006 по 2021 г., г. Иркутск, e-mail: logunova@admin.isu.ru

Полюшкевич Оксана Александровна – доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета, координатор Оксфордского Российского фонда в 2008–2021 гг., г. Иркутск, e-mail: okwook@mail.ru

Попова Марина Владимировна – преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета, стипендиат Оксфордского Российского фонда в 2011–2014 гг., г. Иркутск, e-mail: bobrovskaya_marina93@mail.ru

Пружинин Александр Николаевич – аспирант направления «Социальная философия», ассистент преподавателя на кафедре Государственное и муниципальное управления Института социальных наук Иркутского государственного университета, стипендиат Оксфордского Российского фонда в 2017–2021 гг., г. Иркутск, e-mail: alex.pruzhin@gmail.com

Сафонов Сергей Андреевич – студент 4-го курса направления «Социология» Института социальных наук Иркутского государственного университета, стипендиат Оксфордского Российского фонда в 2020–2021 гг., г. Иркутск, e-mail: ssafonov36@gmail.com

Эдельштейн Ольга Александровна – заведующая кафедрой теоретической и прикладной органической химии и полимеризационных процессов, доцент, кандидат химических наук, заместитель председателя совета по НИРС ИГУ, координатор программы Оксфордского Российского фонда в Иркутском государственном университете с 2006 по 2021 г., г. Иркутск, e-mail: oae47@mail.ru

Научное издание

ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Темплан 2021 г. Поз. 31
Уч.-изд. л. 6,1

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИГУ
664082, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 124